

АННА ЧЕЧИНА

ПО ТУ
СТОРОНУ
НОРМЫ



Анна Чечина

По ту сторону нормы

«Автор»

2026

Чечина А.

По ту сторону нормы / А. Чечина — «Автор», 2026

Когда-то эта болезнь убивала почти каждого третьего тяжёлого пациента. Теперь её умеют останавливать. Люди выживают, возвращаются домой, к работе и семьям. Они помнят, кого любили. Только некоторые больше ничего не чувствуют. Нейроиммунолог Амарис Сольвен приезжает на закрытый медицинский форум, где должны представить новую версию революционной терапии. Но один из докладов исчезает из программы, а его автор погибает на глазах у сотен специалистов. Здание блокируют, участников начинают проверять — и один из тестов звучит особенно странно: способен ли человек по-прежнему бояться, горевать, привязываться и любить? Чем глубже Амарис пытается понять произошедшее, тем менее очевидной становится граница между побочным эффектом и спасением, лечением и вмешательством в природу человека. Если медицина научится менять не только тело, но и чувства, главный вопрос будет уже не в том, возможно ли это. А в том, кто получит право решать, что в человеке необходимо сохранить.

© Чечина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. V-2	5
Глава 1. Предварительная программа	5
Глава 2. Закрытая сессия	13
Глава 3. Чужое спокойствие	21
Глава 4. Категория	27
Глава 5. Красный сектор	34
Глава 6. Официальная версия	42
Глава 7. Согласованное незнание	48
Глава 8. Контур	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Чечина

По ту сторону нормы

Часть I. V-2

Глава 1. Предварительная программа

До стойки досмотра оставалось два человека.

Амарис скользнула взглядом по часам и снова подняла глаза на очередь. До начала первой закрытой сессии было двадцать три минуты. В обычный день этого хватило бы, чтобы подняться на нужный этаж, получить бейдж, выпить кофе и успеть просмотреть программу ещё раз. Сегодня на каждое движение уходило вдвое больше времени.

Мужчину перед ней попросили разблокировать телефон и положить его в узкую прозрачную нишу, встроенную в стойку. Экран на секунду погас, затем по стеклу пробежала зелёная полоса. Сотрудник службы безопасности проверил появившийся на своём мониторе список и вернул устройство владельцу.

Телефоны не забирали. Это было бы бессмысленно на научном форуме, где половина участников привыкла вести заметки. Вместо этого на устройства устанавливался временный профиль безопасности: на закрытых этажах он блокировал запись звука, камеру, облачную синхронизацию и часть приложений для передачи файлов. Перед установкой система проверяла активные программы и последние уведомления.

Именно последние уведомления сейчас интересовали Амарис больше всего. Она опустила взгляд на экран.

Мирен: *В предварительной программе — Восс, вторая сессия. Новый протокол. Тебе нужен полный материал, не презентация. Раздел шесть и приложения к нему, если получишь доступ. Как обсуждали.*

Ни приветствия, ни подписи.

Амарис перечитала сообщение один раз, хотя запомнила его с первого. Затем открыла переписку, удалила последние сообщения Мирен и проверила корзину. Старые можно было не трогать. За последние годы там накопилось достаточно безобидных разговоров о конференциях, публикациях и грантах, чтобы даже слишком любопытный человек не увидел ничего интереснее профессиональной переписки.

Она заблокировала телефон.

Женщина перед ней уже проходила через рамку.

Амарис поправила золотой браслет на запястье и чуть переместила вес на другую ногу. Туфли она выбрала не самые удобные, зато подходящие к костюму. Узкие классические брюки цвета тёмного хаки, жилет на голое тело поверх чёрного белья, жёсткая линия плеч, никакого пиджака. Волосы стилист собрал сзади так, чтобы длинные красные пряди не падали на лицо, но и не выглядели слишком официально. В отражении затемнённого стекла напротив она успела проверить макияж ещё до того, как подошла её очередь.

— Доктор Сольвен?

— Да.

Сотрудник посмотрел сначала на экран, затем на неё. Лицо у него оставалось таким же нейтральным, каким было с предыдущими двадцатью гостями.

— Устройство, пожалуйста.

Амарис разблокировала телефон и положила его в нишу.

На мгновение ей захотелось посмотреть на монитор сотрудника. Она этого не сделала. Зелёная полоса прошла по экрану телефона.

— Камера и микрофон будут ограничены на сорок втором — сорок седьмом этажах. Передача файлов через внешние приложения недоступна. Экстренные вызовы работают без ограничений.

— Понятно.

— Профиль удалится автоматически после выхода из защищённой зоны. Если устройство будет перезагружено, потребуется повторная проверка.

Он протянул ей телефон. Всё заняло меньше минуты. Амарис убрала его в сумку. Только после этого позволила себе посмотреть через стеклянную стену вниз.

Эйдрен начинался почти у самых ног.

Сорок второй этаж был достаточно высоко, чтобы соседние башни больше не казались башнями. Они стояли рядом, разделённые улицами, которые отсюда выглядели тёмными прорезами между стеклом и камнем. По широкому проспекту двигались машины, блестящие после утреннего дождя. Где-то дальше город растворялся в серой дымке. В сентябре в столице Вардена редко бывало по-настоящему холодно, но небо уже несколько дней выглядело так, словно зима просто ждала подходящего момента.

Амарис любила этот город именно таким. Без солнца он казался более сдержанным и не отвлекал от рабочих задач хорошей погодой.

Она прошла к лифтам.

Нижние этажи башни занимали банки, юридические компании, рестораны и несколько международных фондов. Выше сорокового начинался принадлежащий медицинскому консорциуму комплекс: лаборатории, административные помещения, конференц-залы и закрытые переговорные. Обычная карточка доступа не позволяла даже вызвать сюда лифт.

На сегодня ограничения усилили ещё больше.

У дверей стояли сотрудники службы безопасности. На стенах вместо обычной рекламы компаний появились экраны форума. Белый фон, тонкие серые линии и название сессии:

АДАПТИВНАЯ НЕЙРОИММУННАЯ ТЕРАПИЯ

Долгосрочная эффективность и новые протоколы

Ни слова об эмоциональных нарушениях.

Амарис задержалась перед экраном на секунду дольше, чем собиралась.

Она знала о них. Конечно знала.

В опубликованных исследованиях последних двух лет встречались формулировки о сниженной аффективной реактивности у небольшой группы пациентов. Приглушение тревоги. Изменение реакции на стресс. Реже — снижение эмоциональной интенсивности в первые месяцы после терапии.

Неприятно, но на фоне заболевания, которое ещё пять лет назад убивало почти каждого третьего пациента с тяжёлым течением, это не выглядело катастрофой. Станным было другое. Для настолько распространённого протокола данных было слишком мало.

Амарис вышла из лифта вместе ещё с шестью участниками и почти сразу услышала собственное имя.

— Доктор Сольвен?

Молодая женщина в серой форме организаторов протянула ей бейдж.

— Добро пожаловать. Основной зал направо. Кофе и регистрационные материалы в центральном атриуме. В одиннадцать двадцать начнётся закрытая сессия, после начала вход будет заблокирован.

— Спасибо.

На бейдже под именем Амарис стояли название её лаборатории и направление работы.

Нейроиммунология. Биомаркеры терапевтического ответа.

Она прикрепила карточку к жилету. Телефон завибрировал почти сразу. Амарис достала его, ожидая увидеть Мирен, но на экране высветилось имя Невы, старшего администратора её лаборатории.

Есть минута?

Амарис отошла от потока людей.

Да.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Пациент 4172 требует повторного исследования. Сегодня получил заключение по панели К-9. У нас положительный маркер, две другие клиники дали отрицательный. Говорит, что ошибка наша и хочет официальную отмену результата.

Амарис нахмурилась.

Когда сдавал в других?

Одна — восемь дней назад, вторая — шесть.

У нас?

Три дня назад.

Она открыла приложение лаборатории. Защищённый профиль форума пропустил его: программа работала только с внутренней системой и не позволяла выгружать документы наружу.

Карточка пациента появилась через несколько секунд.

Амарис пролистала показатели.

Контроль качества нормальный. Калибровка партии — в пределах допуска. Повтор внутри серии совпал с первым результатом.

— Не отменяйте, — тихо сказала она сама себе и набрала сообщение. — *Заключение не отзывать. Поднять сохранённый образец и повторить на другой партии реагентов. Одновременно пригласить его на новый забор. Если повтор будет положительным, запросить исходные протоколы обеих клиник.*

Нева поставила реакцию почти сразу.

Он очень злой.

Амарис усмехнулась.

Он имеет право быть злым. Но результат от этого не станет отрицательным.

Через пару секунд она добавила:

Если будет звонить ещё раз, соедини со мной после шестнадцати. Не спорьте с ним.

Она убрала телефон.

И только тогда заметила, что за время переписки атриум успел наполниться.

Здесь было человек двести, может быть чуть больше. Необычно мало для форума такого уровня и слишком много для встречи, которую организаторы называли закрытой рабочей сессией.

Некоторых Амарис знала лично. Других — по фамилиям на статьях, которые читала в три часа ночи и обещала себе никогда больше не открывать после полуночи. Руководители исследовательских центров, клиницисты, нейробиологи, представители компаний. Среди них мелькали люди без научных бейджей — юристы, регуляторы, несколько членов наблюдательных советов.

У входа в соседний зал стояли двое мужчин, которых Амарис не смогла отнести ни к одной категории.

В центре атриума расположили длинные столы с кофе, водой и небольшими тарелками. Амарис взяла стакан воды и успела сделать глоток, когда слева услышала:

— Самое смешное, что они снова написали «нейрокогнитивные последствия».

Говорил доктор Орен Таар, исследователь из северного клинического центра. Амарис встречалась с ним дважды и оба раза приходила к выводу, что он способен спорить даже с погодой, если та будет неправильно интерпретировать собственные данные.

Рядом с ним стояла Лиа Мерен, психиатр, которую Амарис знала лучше.

— Потому что «пациент вернулся домой и перестал любить семью» плохо смотрится на титульном слайде, — сказала Лиа.

Амарис остановилась.

— Что?

Лиа повернулась к ней.

— Ты не слышала?

— Видимо, нет.

— Я думала, из-за этого половину людей сюда и собрали.

Орен посмотрел на Амарис с удивлением.

— У вас в центре нет таких случаев?

— У нас есть снижение реактивности после терапии. Тревога, стрессовый ответ, иногда эмоциональное притупление. Но не то, что ты сейчас сказала.

Лиа поставила чашку на стол.

— Я консультировала двоих за последние четыре месяца. Один после протокола вернулся к жене и детям. Когнитивно сохранён полностью. Память нормальная. Социальное поведение нормальное. Работает. Может рассказать, где познакомился с женой, как делал предложение, как родились дети.

— И?

— Говорит, что понимает, что должен их любить. Но не чувствует ничего.

Амарис несколько секунд молчала.

— Депрессия?

— Проверяли.

— Посттравматическая реакция?

— Проверяли.

— Лекарственное взаимодействие?

Лиа покачала головой.

— Ему отменяли всё, что можно отменить. Ничего.

Орен фыркнул.

— А компания классифицировала случай как умеренное аффективное снижение.

— Это невозможно.

— Вот именно.

Амарис посмотрела на экран форума, видимый между головами участников.

Долгосрочная эффективность и новые протоколы.

— Один случай?

— У меня два, — ответила Лиа. — У коллеги в Карде ещё три. А если верить слухам, случаев намного больше.

— Слухам я предпочитаю данные.

— Данные сначала должны кто-нибудь опубликовать.

На этот раз Амарис не ответила сразу.

Она знала общую статистику терапии слишком хорошо. За четыре года после утверждения протокола смертность среди тяжёлых пациентов сократилась почти втрое. Десятки тысяч людей, которые раньше не дожили бы до следующего года, возвращались домой.

Если цена состояла в снижении эмоциональной реакции у небольшого процента, это было осложнением. Серьёзным. Возможно, недооценённым.

Но осложнением.

Не поводом перечеркнуть лечение.

— Если человек жив благодаря терапии, — сказала она, — вопрос не в том, применять её или нет. Вопрос в том, почему это происходит и можно ли исправить.

— Именно поэтому мы здесь, — заметила Лиа.

— Надеюсь.

Орен усмехнулся.

— Слишком оптимистично для человека, который работает с биомаркерами.

— Биомаркеры хотя бы не меняют историю после публикации.

— Ты давно не читала наши журналы.

Лиа рассмеялась.

Разговор мог продолжиться, но рядом появился ещё один человек, и Орен отвлёкся на приветствие.

Амарис увидела Рейнара прежде, чем тот подошёл к столу.

Он был выше почти всех вокруг и двигался без той лёгкой торопливости, которая сегодня чувствовалась даже в людях, привыкших опаздывать на собственные доклады. Белая рубашка, тёмные брюки, закатанные чуть выше запястий рукава. Сквозь ткань правого рукава угадывались тёмные линии татуировки.

Виски были коротко выбриты. Основная масса волос оставалась достаточно длинной, чтобы лежать назад небрежно, хотя Амарис прекрасно знала, сколько времени обычно требуется мужчинам, чтобы добиться такой небрежности. Несколько прядей были высветлены почти до белого.

Ей всегда казалось странным, что при его профессии и манере разговаривать Рейнар выглядит скорее человеком, которого можно встретить ночью у сцены небольшого музыкального клуба, чем руководителем исследовательской группы.

Ему это шло.

Он присоединился к разговору с Ореном, и первые несколько минут Амарис почти не участвовала. Речь перешла на дизайн исследования, выбор контрольной группы и различия между эмоциональным снижением и нарушением распознавания аффекта.

Рейнар говорил мало.

Как обычно.

Когда официант поставил рядом поднос с новой порцией кофе, Рейнар мельком посмотрел на чашки, взял одну и передвинул к Амарис.

Эспрессо. Без сахара.

Она приняла чашку, даже не посмотрев на него.

Лиа продолжала говорить о пациенте.

— Я хочу увидеть их новые шкалы. Если они опять оценивают состояние только по тревоге и депрессии, там можно пропустить половину изменений.

— Не половину, — сказал Рейнар. — Почти всё, если нарушение касается самой эмоциональной значимости.

— Именно.

Амарис сделала глоток. Кофе оказался хорошим.

Рейнар вдруг замолчал и на пару секунд прижал пальцы к правому виску.

Она посмотрела на него.

— Опять?

— Уже прошло.

Он убрал руку.

Амарис не стала спрашивать дальше.

Головные боли начались у него не вчера. Несколько месяцев назад она пыталась убедить его пройти нормальное обследование, потом перестала. Рейнар умел выслушать медицинскую рекомендацию так внимательно, что человек почти верил, будто он собирается ей последовать.

Почти.

У края его левой брови, ближе к виску, проходил тонкий светлый шрам. Его трудно было заметить, если не знать, куда смотреть. Амарис знала.

— Начинают запускать в зал, — сказала Лиа.

Толпа действительно пришла в движение.

На экранах появилось напоминание о первой сессии.

Амарис допила эспрессо и поставила чашку. Одна из организаторов раздавала обновлённые бумажные программы тем, кто предпочитал не пользоваться приложением. Амарис прошла несколько шагов и остановилась. Открыла программу снова.

Первая сессия. Вторая. Дискуссия. Перерыв. Восса не было. Амарис перелистнула страницу.

Секция по обновлённым протоколам стояла на месте, но доклад доктора Илара Восса исчез. Вместо него значилась общая панельная дискуссия продолжительностью сорок минут.

Она достала телефон и открыла сохранённую предварительную программу, которую получила четыре дня назад.

14:20 — Илар Восс. Протокол V-2. Предварительные результаты расширенной второй фазы.

Именно этот пункт Мирен упомянула утром.

Амарис посмотрела на бумажную программу ещё раз.

— Что-то потеряла? — Рейнар оказался рядом.

— Доклад Восса.

Он бросил взгляд на страницу.

— Отменили?

— Похоже.

Рейнар пожал плечами и направился дальше вместе с потоком людей.

Амарис осталась.

Через несколько метров находилась стойка организаторов. Она подошла туда.

— Простите. Доктор Илар Восс сегодня выступает?

Женщина за стойкой быстро посмотрела в компьютер.

— Нет. Его доклад отменён.

— Перенесён?

— Нет.

— Материалы останутся доступны участникам?

Пауза была совсем короткой.

— Материалы этого выступления не будут опубликованы в системе форума.

Амарис чуть наклонила голову.

— Он не приехал?

Женщина снова посмотрела на монитор.

— Доктор Восс сегодня не будет выступать.

Не приехал и не будет выступать были разными ответами.

Амарис улыбнулась.

— Спасибо.

Она отошла от стойки и открыла приложение форума. В архиве уже лежали тезисы большинства докладов, включая те, что должны были состояться только вечером.

Фамилии Восса не было даже в поиске. Интересно. Она попробовала название его последней лаборатории — ничего. Номер исследования, указанный в предварительной программе — система вернула пустой результат. Это уже было не похоже на перенос выступления.

Если презентацию снимали в последний момент, цифровой след обычно оставался хотя бы в списке авторов. Удаление всего пакета означало, что кто-то сделал это намеренно. И достаточно тщательно.

Амарис убрала телефон. Она всё ещё не считала происходящее подозрительным в том смысле, который понравился бы Мирен. На научных мероприятиях случались конфликты с регуляторами, отозванные данные, проблемы с согласием пациентов, ошибки в анализе.

Но теперь ей хотелось увидеть Восса. Хотя бы понять, приехал ли он вообще.

Главный зал находился двумя этажами выше.

К нему вели широкая лестница и два внутренних лифта. Амарис выбрала лестницу. Из стеклянного перехода открывался вид на соседнюю башню, по фасаду которой стекала вода после нового короткого дождя.

На площадке между этажами она заметила мужчину. Лицо показалось знакомым. Сорок с небольшим. Тёмный костюм без галстука. Узкое лицо, редящие волосы, очки в тонкой металлической оправе.

Амарис видела его фотографию три дня подряд, пока читала последние публикации перед форумом.

Илар Восс. Он приехал.

Восс стоял возле служебного коридора и разговаривал с кем-то из персонала. Амарис не слышала слов, но по его лицу было видно: разговор шёл плохо.

Он несколько раз посмотрел в сторону лифтов. Сотрудник в тёмной форме открыл перед ним дверь. Восс быстро вошёл внутрь. Дверь закрылась.

Амарис задержалась на лестнице на пару секунд. Так, он здесь, но доклад отменён и материалы удалены. Сам Восс почему-то ходит по служебным помещениям меньше чем за двадцать минут до начала сессии, на которой должен был выступать.

Она могла бы написать Мирен, но не написала. Пока у неё не было информации. Только несколько деталей, которые не складывались в картину. Амарис не любила отправлять людям догадки.

Главный зал оказался больше, чем она ожидала. Полукруглый амфитеатр спускался к широкой сцене. За ней располагался огромный экран, сейчас показывающий логотип форума. Потолок уходил высоко вверх, почти на два этажа, и был пересечён техническими балками, световыми конструкциями и узкими обслуживающими мостиками.

Амарис нашла своё место в пятом ряду.

Рейнар сидел через два кресла от неё и просматривал что-то на планшете. Между ними расположилась женщина из фармацевтического регулятора.

Люди продолжали входить. В зале постепенно становилось тише.

Амарис положила программу на колени, провела пальцем по краю бумаги и подняла взгляд на сцену. Над экраном работники выключали часть технического света. Один за другим гасли прожекторы, оставляя над сценой серые металлические фермы.

На одном из верхних мостиков кто-то двигался. Амарис сначала решила, что это техник. Потом человек вышел из тени.

Тёмный костюм. Очки.

Восс.

Он находился почти под самым потолком, там, где участникам форума совершенно точно было нечего делать. Одной рукой он держался за металлическое ограждение, второй что-то искал возле стены или технической панели.

Даже отсюда Амарис видела, как резко он оглянулся через плечо. Не вниз, на зал, а назад, в проход за собой. Потом свет над мостиком погас. Восс исчез из виду.

Амарис ещё несколько секунд смотрела в темноту, пытаясь понять, что именно только что увидела. Затем на сцену вышел модератор, по залу прошли вежливые аплодисменты, и люди вокруг повернулись к экрану.

Амарис тоже опустила взгляд. Но программу больше не читала.

Глава 2. Закрытая сессия

Аплодисменты стихли не сразу. Часть людей ещё устраивалась на местах, кто-то убирал телефоны после последней проверки почты, несколько человек переговаривались через ряд, пока модератор благодарил организаторов и перечислял партнёров форума. Амарис почти не слушала. Она смотрела вверх.

Технический мостик уже невозможно было разглядеть нормально. После того как погас служебный свет, металлические конструкции под потолком превратились в тёмные полосы над сценой. Иногда там мелькало движение — скорее всего, работники, — но Восса она больше не видела.

Возможно, ничего необычного не происходило. Возможно, он просто прошёл через технический коридор, потому что основной проход был закрыт. Возможно, организаторы сняли его выступление из-за проблем с данными, а он приехал на форум как участник. Таких объяснений можно было придумать десяток.

Амарис раздражало только одно: ни одно из них не объясняло, почему из внутренней системы удалили не только его доклад, но вообще все материалы, связанные с ним.

Она положила программу на соседнее свободное кресло.

На сцене появился первый докладчик. За его спиной вместо заставки открылась диаграмма с результатами пятилетнего наблюдения. Амарис выпрямилась.

Вот ради этого она и приехала.

Первые двадцать минут не принесли ничего неожиданного. Улучшенная схема терапии снижала риск острой неврологической недостаточности, позволяла реже использовать поддерживающие препараты и, если верить представленным данным, сокращала количество повторных госпитализаций. Графики выглядели почти безупречно. Слишком безупречно.

Амарис сделала несколько пометок на полях программы.

Докладчик перешёл к следующему слайду.

— В обновлённом протоколе мы также наблюдаем значительное снижение выраженности долгосрочных нейрокогнитивных осложнений, — произнёс он. — На шестом месяце девятью один процент пациентов демонстрировал возвращение к исходному уровню профессионального функционирования.

На экране появилась таблица: память, концентрация, скорость обработки информации, сон, тревожность.

Амарис пробежала глазами по строкам ещё раз. Эмоциональных шкал не было. Даже самых примитивных.

Она наклонилась к женщине из регуляторного совета, сидевшей справа.

— Они убрали аффективную оценку?

Женщина посмотрела на экран.

— Видимо.

— В предварительной публикации она была.

— Значит, покажут дальше.

Но докладчик сменил тему и перешёл к иммунным маркерам.

Амарис откинулась на спинку кресла.

После разговора с Лиа это уже выглядело иначе. Утром отсутствие подробных данных казалось пробелом в публикациях. Теперь начинало походить на выбор.

Она посмотрела на Рейнара.

Он сидел, опираясь локтем на подлокотник, и не отрывал взгляда от экрана. На планшете перед ним была открыта та же таблица. Он увеличил нижнюю часть слайда, что-то прочитал и снова уменьшил изображение.

Никакой реакции.

Через несколько минут начались вопросы.

Первые два были ожидаемыми: выбор контрольной группы, возрастное распределение, критерии включения пациентов с сопутствующими заболеваниями. Докладчик отвечал уверенно и подробно.

Потом Рейнар поднял руку.

Амарис перевела взгляд на него.

Модератор кивнул.

— Доктор Рейнар Арден, Институт аффективной нейрофизиологии.

Рейнар даже не стал вставать.

— Вы показали результаты до двенадцатой недели по группе с выраженным снижением автономного ответа. Что произошло с этой группой после шестнадцатой?

В зале почти ничего не изменилось. Докладчик на сцене замолчал. Пауза длилась, может быть, секунду. Максимум две.

— Простите, — сказал он, — какую именно группу вы имеете в виду?

— Группа D. Пациенты с нормализованным цитокиновым профилем и устойчивым снижением реакции на эмоционально значимые стимулы.

Теперь Амарис посмотрела не на сцену, а прямо на Рейнара.

Такой группы не было в материалах, которые раздали участникам.

Докладчик поправил микрофон.

— Эти данные не входили в текущий анализ.

— Я понимаю. Поэтому и спрашиваю.

Слева кто-то едва слышно кашлянул.

— Наблюдение продолжается, — наконец ответил докладчик. — Мы не считаем выборку достаточной для отдельных выводов.

— Сколько пациентов осталось в группе к шестнадцатой неделе?

— Как я сказал, результаты ещё анализируются.

Рейнар слегка кивнул.

— Спасибо.

Он опустил руку.

Следующий вопрос уже звучал с другого конца зала, но Амарис его почти не слышала.

Она подождала, пока модератор снова переведёт внимание на сцену, и наклонилась к Рейнару.

— Откуда у тебя группа D?

Он не повернулся.

— Из протокола.

— Какого протокола?

— Раннего.

— Его нет в опубликованных материалах.

Теперь он посмотрел на неё.

— Значит, я видел неопубликованные.

Сказано это было так спокойно, что раздражало сильнее любого уклончивого ответа.

— Удобно.

— Иногда.

— И?

— Что?

— Что произошло после шестнадцатой недели?

Рейнар задержал на ней взгляд чуть дольше обычного.

— Если бы я знал, я бы не спрашивал.

Логично. И всё же Амарис не поверила ему до конца.

Доклад продолжался ещё около десяти минут. Амарис заставила себя сосредоточиться и даже записала несколько цифр, но мысль постоянно возвращалась к группе D.

Устойчивое снижение реакции на эмоционально значимые стимулы. Не тревога. Не депрессия. Не общий когнитивный спад. Что-то гораздо более узкое. Лиа утром говорила практически о том же.

Когда первая часть закончилась, свет в зале стал немного ярче. Модератор объявил короткую техническую паузу перед центральной презентацией. Выходить из зала участников попросили только в случае необходимости: после начала следующего блока двери должны были закрыться, чтобы избежать перемещений во время доклада.

Амарис снова открыла программу. На месте выступления Восса теперь стояла фамилия, которой не было в предварительной версии.

Доктор Сейл Эрт. Руководитель клинического направления консорциума.

— Значит, просто заменили, — произнесла женщина справа.

Амарис поняла, что та заметила, куда она смотрит.

— Похоже.

— В последний момент такое бывает.

— Бывает.

Но обычно докладчик, которого заменили, не бродит по техническим помещениям над залом.

Она не стала добавлять этого вслух.

Перед началом второй сессии несколько человек всё-таки поднялись. В третьем ряду мужчина пропустил к проходу женщину, с которой сидел рядом. Они были примерно одного возраста, лет сорока пяти, и оба носили одинаковые белые бейджи приглашённых специалистов. Женщина что-то сказала ему, он рассмеялся и взял у неё бутылку воды.

Амарис отметила их только потому, что мужчина едва не задел её колено, протискиваясь между креслами. Через минуту оба вернулись на места. Свет погас.

На экране появилось название:

V-2: АДАПТИВНАЯ МОДИФИКАЦИЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ОТВЕТА

Зал окончательно затих.

Доктор Эрт вышел на сцену под короткие аплодисменты. Он был заметно старше Восса, уверенно держался перед аудиторией и говорил без замечок.

— Последние четыре года мы в первую очередь отвечали на вопрос, можем ли сохранить жизнь пациенту. Сегодня у нас впервые появляется возможность задать следующий вопрос: какой будет эта жизнь после лечения?

Амарис подняла глаза. Наконец-то.

За спиной Эрта появились снимки функциональной визуализации мозга.

— Первоначальный протокол был разработан в условиях чрезвычайно высокой смертности. Его задача была проста: остановить патологический нейроиммунный каскад до необратимого поражения центральной нервной системы. Мы её решили. Однако длительное наблюдение выявило комплекс изменений, которые невозможно объяснить только перенесённым заболеванием.

Следующий слайд.

Здесь слово появилось впервые.

АФФЕКТИВНАЯ ДИСФУНКЦИЯ.

В зале кто-то зашевелился.

Амарис перестала писать.

— Речь идёт не о едином синдроме, — продолжил Эрт. — У некоторых пациентов снижается интенсивность тревожного ответа. У других изменяется способность формировать эмо-

циональную значимость событий. В небольшой группе наблюдаются более выраженные нарушения социальной привязанности.

Социальной привязанности.

Очень аккуратное название для человека, который возвращается домой и больше ничего не чувствует к собственному ребёнку.

Эрт привёл показатели.

Два процента.

Затем добавил:

— Мы считаем, что тяжёлые формы остаются редким осложнением.

Амарис машинально посмотрела на Лиа, сидевшую через несколько рядов левее. Та тоже смотрела на экран.

Два процента.

Если терапию получили сотни тысяч пациентов, два процента уже не выглядели редкостью.

Эрт перешёл к экспериментальной версии протокола.

На слайдах появились схемы, которые Амарис уже было сложнее оценивать с первого взгляда. Изменение дозировок. Временные окна. Снижение глубины иммунного подавления после стабилизации пациента. Идея была понятна: не держать определённые сигнальные пути выключенными дольше необходимого. Вероятно, это и имела в виду Мирен под новой версией терапии.

Амарис сделала пометку.

Раздел 6?

Пока ничего похожего на него не показывали.

Эрт продолжал:

— Первичные результаты демонстрируют частичное восстановление автономных реакций без существенного увеличения частоты неврологических рецидивов.

Частичное.

Амарис снова подняла голову. На экране появилась кривая. Рейнар рядом перестал листать планшеты. Она заметила это краем глаза.

Докладчик говорил о восстановлении реакции на эмоциональные стимулы, но нигде не называл, какие именно стимулы использовались. Изображения? Голос близкого человека? Запах? Автобиографическая память? Для исследования такого уровня это было слишком расплывчато.

Амарис собиралась записать вопрос, когда сверху раздался звук. Короткий металлический удар. Будто кто-то уронил инструмент. Но Эрт на сцене не остановился.

В первых рядах никто даже не поднял голову. Амарис подняла. В темноте над сценой что-то двигалось. Сначала она увидела руку на перилах. Потом фигуру.

Восс.

Он стоял на том же техническом уровне, где она видела его раньше, только теперь находился ближе к центру сцены. Одна рука судорожно сжимала ограждение. Вторая была прижата к груди или к горлу — отсюда трудно было понять.

Амарис нахмурилась.

Что он делает?

Восс сделал шаг. Нога будто не удержала его. Он ударился плечом о перила. На этот раз звук услышали и другие. Несколько голов повернулись вверх. Эрт замолчал на полуслове.

Восс снова попытался выпрямиться.

И именно тогда Амарис поняла, что он не просто потерял равновесие. Его тело дёрнулось. Резко, неестественно. Пальцы на ограждении разжались и снова сжались. Голова откинулась назад.

Судорога.

Амарис поднялась.

— Что за...

Рейнар тоже посмотрел вверх.

За Воссом что-то мелькнуло. Не человек целиком. Только движение в глубине мостика, там, где кончался свет. Восс повернул голову. И сорвался.

Всё произошло слишком быстро, чтобы кто-нибудь успел закричать заранее. Ещё секунду он был наверху. Потом его не стало. Удар о сцену прозвучал глухо и тяжело. Микрофон, установленный слишком близко, усилил звук на весь зал. Несколько человек вскрикнули.

Эрт отшатнулся. На мгновение никто не двигался.

Это и показалось Амарис самым странным.

Две сотни людей смотрели на лежащего на сцене человека и будто ждали, что кто-нибудь первым объяснит им, что они только что увидели.

Потом зал ожил сразу. Кто-то вскочил. Кто-то потянулся к телефону. С первого ряда на сцену выбежал мужчина.

Амарис уже двигалась к проходу.

— Амарис.

Рейнар произнёс её имя негромко.

Она даже не повернулась.

— Я врач.

Он ничего больше не сказал и пошёл следом.

Ступени между рядами оказались неожиданно узкими. Люди вставали, мешали друг другу, кто-то пытался пройти в противоположную сторону. Амарис спустилась к сцене и почти перелезла через невысокое ограждение.

Восс лежал на боку. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: падение он не пережил.

Амарис всё равно опустилась рядом.

— Не трогайте шею, — сказала она мужчине, который уже пытался перевернуть его. — Оставьте.

Она проверила пульс. Ничего. Повреждения после падения были несовместимы с жизнью. Не требовалось ни оборудования, ни долгого осмотра. Но внимание Амарис привлекло другое.

У губ Восса была белая пена, а на внутренней поверхности щеки — кровь. Он прикусил её ещё до падения или в момент удара. Мышцы предплечья оставались напряжёнными.

Амарис снова увидела, как его тело дёрнулось наверху.

Судорожный приступ начался до того, как он сорвался.

— Дефибриллятор! — крикнул кто-то позади.

— Не нужен, — сказала Амарис.

Её почти не слышали. На сцену уже поднимались организаторы.

И тогда из зала донёсся новый крик. На этот раз женский.

Амарис обернулась.

В третьем ряду мужчина, которого она заметила перед началом сессии, выгнулся в кресле. Его руки были прижаты к груди, пальцы судорожно согнулись. Женщина рядом пыталась удержать его голову.

— Рен! Рен, посмотри на меня!

Он не реагировал. Через секунду тело задрожало.

— Уберите её от него! — крикнула Амарис.

Никто не понял, кому именно она говорит. Она вскочила. Рейнар оказался ближе. Он уже двигался к ряду.

— На бок, — сказала Амарис. — Ничего в рот. Освободите пространство.

Кто-то наконец начал повторять её слова другим. Мужчину осторожно опустили между креслами и проходом. Судороги усиливались.

Амарис добралась до него через несколько секунд.

— Вы врач? — спросил кто-то.

— Да. Отойдите.

Она опустилась на колени. Дыхание было тяжёлым, прерывистым. Зрачки реагировали. На губах тоже появилась пена. Тот же тип приступа. Слишком быстро. Слишком внезапно.

Она повернула голову к Рейнару. Он стоял рядом.

— Это не похоже на обычную реактивацию.

Он ответил сразу:

— Нет.

Амарис хотела спросить, почему он так уверен, но женщина рядом с пострадавшим вдруг издала странный звук. Не крик. Резкий вдох. Она отпустила руку мужчины и схватилась за край кресла.

— Мне...

Лицо изменилось.

Сначала Амарис решила, что это паническая атака. Потом увидела, как свело пальцы.

— Отойдите от неё.

Женщина попыталась встать, но не смогла. Колени подломились, тело ударилось о кресло. Рейнар успел подхватить её за плечи.

— На пол.

Они опустили её рядом. Вторая судорога началась почти сразу.

Теперь зал действительно запаниковал. Кто-то закричал, что это инфекция. Люди рванули к выходам.

— Назад! — заорал сотрудник безопасности.

Поздно. У боковых дверей образовалась толпа. На огромном экране за сценой исчезли графики. Несколько секунд экран был чёрным. Затем появился красный знак.

ВНИМАНИЕ. МЕДИЦИНСКИЙ ИНЦИДЕНТ.

С потолка раздался спокойный женский голос:

— Просим всех участников сохранять места. Зафиксирован кластер острых неврологических симптомов. До установления причины перемещение между секторами ограничено.

Слово «кластер» подействовало хуже, чем слово «инфекция».

Люди начали говорить одновременно.

— Откройте двери!

— Здесь больные!

— У меня ребёнок дома!

— Что значит ограничено?

Амарис посмотрела на мужчину перед собой. Судороги постепенно слабели, но дыхание оставалось неправильным.

— Нужен мидазолам или любой быстродействующий противосудорожный, — сказала она сотруднику форума, стоявшему рядом. — Где медицинский комплект?

Тот смотрел на неё так, словно впервые услышал слово «медицинский».

— На этаже есть пункт...

— Принесите.

Он наконец побежал.

Рейнар продолжал удерживать женщину на боку. Очень спокойно. Слишком спокойно для человека, рядом с которым в течение минуты умер один мужчина и ещё двое начали биться в судорогах.

Но Амарис не могла позволить себе анализировать это сейчас. Она посмотрела на часы. От падения Восса прошло меньше двух минут. Три человека. В разных местах. Один и тот же острый неврологический рисунок.

Нет. Так заболевание не работало.

Даже при молниеносной реактивации первые симптомы развивались часами, иногда днями. Головная боль, температура, нарушения чувствительности, спутанность. Судороги могли появиться позже, при тяжёлом поражении.

Никто не переходил от нормального разговора к генерализованному приступу за несколько секунд. И уж точно три человека одновременно.

— Воздух? — тихо спросила Амарис.

Рейнар поднял на неё глаза.

— Возможно.

— Если бы это был патоген, так быстро он бы не сработал.

— Я знаю.

Снова это «знаю», не «думаю» и не «похоже». Она посмотрела на него внимательнее.

— Откуда?

Он ничего не ответил.

В этот момент в вентиляции что-то изменилось. Не звук — скорее давление.

Амарис почувствовала, как заложило уши.

Система здания переводила помещение на отдельный воздушный контур. На экране появилось новое сообщение:

РЕЖИМ ИЗОЛЯЦИИ АКТИВИРОВАН.

Боковые двери закрылись. Изнутри щёлкнули магнитные замки. Толпа у выхода отшатнулась.

— Они нас заперли!

— Откройте!

Кто-то ударил ладонью по двери. Служба безопасности пыталась вернуть людей на места, но теперь никто уже не слушал.

Амарис снова посмотрела на обоих пациентов. Они сидели рядом. Могли вместе контактировать с чем-то до форума. Могли быть родственниками. Могли прилететь одним рейсом. Или могли просто находиться под одним вентиляционным блоком.

Но Восс был наверху.

Другой уровень. Другая часть помещения. Значит, если их объединяло воздействие, оно не ограничивалось третьим рядом.

Амарис автоматически вдохнула меньше воздуха, прежде чем поняла бессмысленность жеста. Если что-то уже находилось в вентиляции, поздно было решать, насколько глубоко дышать.

— Не делай так, — сказал Рейнар.

Она повернулась.

— Что?

— Не задерживай дыхание. Только быстрее закружится голова.

Даже сейчас у него хватало способности заметить это.

— Спасибо.

На сцене двое сотрудников накрыли тело Восса серым медицинским полотном. Амарис увидела это и вдруг снова вспомнила технический мостик. Движение в темноте. Неясный силуэт. Она подняла голову.

Ничего.

Только металл, кабели и погасшие прожекторы.

— Ты видел кого-нибудь наверху? — спросила она.

— Кроме Восса?

— Да.

Рейнар на секунду задумался.

— Нет.

Она не была уверена, что он действительно ничего не видел.

С потолка снова заговорила система:

— Пожалуйста, оставайтесь в пределах текущего сектора. Специализированная группа реагирования уже прибыла. Не покидайте помещение до получения инструкций.

У центрального входа загорелся индикатор. Замки открылись. В зал вошли люди в герметичных тёмных костюмах. На груди у каждого был знак службы биологического и химического реагирования Вардена. Закрытые маски, фильтрующие системы, перчатки, переносные анализаторы воздуха. Двое сразу направились к сцене, ещё трое — к пациентам в третьем ряду.

Увидев их, часть людей заметно успокоилась.

Амарис должна была почувствовать то же самое. Но вместо этого она посмотрела на экран переносного анализатора в руках первого специалиста, затем на герметично закрытые двери.

Если это была инфекция, она не могла действовать настолько быстро. Если это был естественный приступ заболевания, три человека не могли сорваться почти одновременно. Если причиной было что-то в воздухе, они уже все этим дышали. И пока никто в зале не знал, что именно произошло, система сделала единственное, что должна была сделать при неизвестной биологической или химической угрозе.

Заперла помещение. Вместе со всеми, кто находился внутри.

Глава 3. Чужое спокойствие

Люди в защитных костюмах двигались быстро и без суеты. Двое занялись мужчиной и женщиной в третьем ряду, ещё один опустился возле тела Восса. Остальные разворачивали оборудование прямо в проходе: пластиковые контейнеры, экспресс-анализаторы, герметичные пакеты для образцов. Один из сотрудников поставил небольшой прибор на спинку кресла и вытянул над головами присутствующих тонкую трубку воздухозаборника.

Профессиональные движения действовали на людей лучше любых объявлений. Крики постепенно стихли. Кто-то снова сел. Несколько человек продолжали стоять у заблокированных дверей, но теперь уже не пытались их открыть. Разговоры стали тише, почти шёпотом.

Амарис оставалась возле первого пострадавшего. Судороги прекратились, но состояние мужчины ей не нравилось. Кожа стала серой, дыхание оставалось поверхностным. Женщина рядом дышала лучше, хотя в сознание так и не пришла.

Сотрудник группы реагирования присел напротив Амарис.

— Вы осматривали его с начала приступа?

— Почти с начала.

— Судороги генерализованные?

— Да.

— Предшествующие симптомы?

— Я не видела. За несколько минут до этого он разговаривал и нормально передвигался.

Мужчина коротко кивнул.

— Контакт с первым пострадавшим?

— Насколько мне известно, нет.

— Вы знаете их?

— Нет.

Он посмотрел на её бейдж.

— Врач?

— Медицинское образование. Сейчас занимаюсь нейроиммунологией.

Этого оказалось достаточно. Он уже отвернулся к коллеге. Амарис поднялась. Рейнар стоял в нескольких шагах от неё и смотрел не на пациентов, а на прибор, который анализировал воздух.

— Что? — спросила она.

— Ничего пока.

— Ты умеешь читать результаты через плечо?

— Иногда.

Сотрудник закрыл экран ладонью, словно услышал. Амарис едва заметно усмехнулась, но тут же снова посмотрела на мужчину на полу. Его грудная клетка поднялась, затем опустилась. Следующего вдоха не было.

— Подождите.

Она снова опустилась рядом, но сотрудник реагирования уже увидел то же самое.

— Нет дыхания. Готовим интубацию.

Началось движение. Мужчину переложили, вскрыли контейнер с оборудованием. Амарис отступила, чтобы не мешать. Женщина рядом пришла в себя на несколько секунд, открыла глаза и посмотрела прямо перед собой.

— Рен?

Никто не ответил.

Она попыталась повернуть голову, увидела людей вокруг мужчины и, кажется, всё поняла.

— Что с ним?

— Не двигайтесь, — сказал сотрудник.

— Рен.

Её голос стал выше.

— Где он?

Она попыталась подняться.

Двое удержали её.

— Рен!

Паника вернулась в зал мгновенно. С центрального прохода донёсся другой голос:

— Мне плохо.

Несколько человек обернулись. Мужчина лет пятидесяти стоял, держась за спинку кресла.

— У меня руки...

Он поднял их перед собой. Пальцы дрожали. Кто-то рядом отшатнулся.

— Сядьте, — приказал сотрудник группы реагирования.

— Это начинается?

— Сядьте и не двигайтесь.

— Это начинается у меня?

— Сядьте.

Но мужчина уже не слышал.

— Откройте двери!

Кто-то подхватил:

— Выпустите нас отсюда!

С задних рядов сразу поднялись десятки людей. Амарис посмотрела на мужчину внимательнее. Он был в сознании. Ориентирован. Дышал часто, слишком часто. Пальцы покалывало из-за гипервентиляции. Паническая атака.

Она успела понять это раньше, чем он пошатнулся. Женщина рядом закричала. Этого хватило. Толпа двинулась. Сначала несколько человек устремились к боковому выходу. За ними поднялись другие.

— Назад! — сотрудники безопасности выстроились у выхода. — Всем оставаться в секторах!

Люди продолжали напирать.

— Там человеку плохо!

— У меня приступ!

— Вы не имеете права нас держать!

Один мужчина попытался пролезть между сотрудниками. Его оттолкнули. Он упал на женщину за собой. Движение толпы изменилось.

Амарис знала, как легко в таких ситуациях человек перестаёт быть человеком и становится массой. Никто не принимает решения задавить другого. Просто каждый делает один шаг туда, где, как ему кажется, находится выход.

Первый крик снизу она услышала почти сразу.

— Стойте! Стойте, здесь человек!

Никто не остановился. Женщина упала возле крайнего ряда кресел, и люди, шедшие сзади, уже не могли её видеть. Амарис рванулась туда. Кто-то врезался ей в плечо. Шпилька соскользнула со ступеньки, она едва удержалась за спинку кресла.

— Амарис!

Рейнар оказался рядом и перехватил её за предплечье.

— Там женщина.

— Ты до неё не доберёшься.

— Отпусти.

Амарис успела сделать два шага, прежде чем поток людей между рядами окончательно перекрыл проход. Она увидела только чужие спины. И руку на полу. На запястье был тонкий серебряный браслет. Кто-то наступил рядом. Потом ещё раз.

Амарис застыла. Её учили оказывать помощь в условиях массовых происшествий. Она знала, что нельзя становиться следующей пострадавшей. Знала, что нужно оценивать риск.

— Амарис.

На этот раз голос Рейнара был ближе.

— Пойдём.

Она повернулась к нему, на его лице не было паники. Он смотрел на неё внимательно, но совершенно спокойно. Только мышцы челюсти были напряжены.

— Куда?

— От толпы.

Амарис позволила ему отвести себя к краю сцены. И только через несколько секунд заметила других.

Первым был пожилой мужчина в дорогом тёмном костюме. Он стоял возле прохода, положив одну руку на спинку кресла, пока люди почти бежали мимо него. Кто-то ударил его плечом. Он качнулся, выпрямился и остался на месте.

Чуть дальше молодая женщина с бейджем медицинского фонда спокойно подняла с пола сумку, которую кто-то сбил ногой. Рядом мужчина кричал сотруднику безопасности, что у него дома дети. Она даже не повернула голову.

На сцене лежало накрытое тело Восса. В нескольких метрах реанимировали человека. У выхода люди давили друг друга.

Он смотрел на всё это так, будто ждал задержавшегося рейса. Амарис почувствовала неприятный холод под рёбрами. Разговор Лиа утром всплыл почти дословно.

Память нормальная. Социальное поведение нормальное. Понимает, что должен их любить. Но ничего не чувствует.

Она посмотрела на Рейнара. Он слишком спокойно следил за происходящим и сотрудниками группы реагирования.

Нет. Не сейчас. Она заставила себя отвернуться. Не всё отсутствие истерики являлось патологией. Некоторые люди просто хорошо действовали в кризисе. Она сама была одной из них. И всё-таки те трое отличались. Не отсутствием страха как такового, а отсутствием заражения чужими эмоциями. Человек мог держать себя в руках, но его внимание всё равно цеплялось бы за крик, падение, кровь. У этих людей оно почти не цеплялось. Как будто происходящее имело значение только тогда, когда непосредственно мешало двигаться.

С потолка включилось сообщение:

— Внимание. Зафиксированы дополнительные случаи острой неврологической симптоматики. Всем участникам необходимо прекратить перемещение и ожидать инструкций.

Дополнительные. Значит, мужчина с панической атакой был не единственным. Амарис обвела зал взглядом. У дальнего ряда сотрудники уже окружали ещё одного лежащего человека. Тогда изменился звук вентиляции. Громче, чем в прошлый раз. По залу прошёл резкий шорох.

Кто-то закричал:

— Они что-то пускают!

И началось снова. Теперь люди бросились не к одному выходу, а ко всем.

Охрана перестала удерживать центральную дверь. Видимо, пришло новое распоряжение, потому что створки открылись, и сотрудники начали выпускать людей небольшими группами.

— По двадцать человек! Не толпиться! Двигаться только по команде!

Амарис почувствовала, как Рейнар снова коснулся её локтя, но между ними тут же вклинились двое мужчин.

— Рейнар!

Он повернул голову.

Ещё один человек ударил Амарис в плечо. Она потеряла его из виду.

— Рейнар!

Ответа не было. Её потащило вместе с потоком к сцене.

Амарис вцепилась в спинку кресла и остановилась. Если она сейчас позволит толпе нести себя, то окажется ровно там, куда бегут все остальные. В узком дверном проёме. Худшее возможное место. Она отпустила кресло и двинулась в другую сторону.

Пожилой мужчина уже шёл вдоль стены. Молодая женщина двигалась за ним. Они не держались вместе и, вероятно, даже не были знакомы, но оба выбрали одну и ту же линию — вдоль бокового прохода, подальше от толпы. Амарис пошла туда же.

Боковой проход вывел их к небольшой двери, которой она раньше не замечала. На ней не было знака выхода. Только надпись:

СЛУЖЕБНЫЙ СЕКТОР С

Дверь была открыта. Возле неё стоял сотрудник в защитной маске и направлял внутрь тех, кто находился ближе всего.

— По одному. Не задерживаться.

Амарис приблизилась. Сотрудник поднял руку.

— Бейдж.

Она показала.

— Доктор Сольвен. Симптомы?

— Нет.

— Головная боль?

— Нет.

— Тошнота, онемение пальцев, изменения зрения?

— Нет.

— Контакт с пострадавшими?

Вот здесь нужно было соврать. Она касалась первого мужчины, стояла рядом со второй женщиной. И осматривала Восса.

— Нет.

Сотрудник посмотрел на неё. За его плечом по коридору быстро провезли каталку. На ней лежал человек. Рука свисала из-под термоодеяла. На пальцах была кровь.

— Проходите.

Она прошла. В коридоре оказалось неожиданно тихо. Толстые стены глушили зал так хорошо, что паника сразу превратилась в далёкий гул. Белый свет. Серый пол. Несколько закрытых дверей. Вдоль стены двигались люди, которых вывели раньше. Амарис сделала первый глубокий вдох за несколько минут. И почти сразу поняла, что начинает дрожать.

Коридор разделялся впереди на два направления. Сотрудник безопасности указывал всем налево.

— К лифтам. Не останавливаться.

Амарис пошла вместе с остальными. Молодая женщина, которую она заметила в зале, шла впереди. Её каблуки ровно стучали по полу. Пожилой мужчина рядом вдруг спросил:

— Они умерли?

Женщина посмотрела на него.

— Кто?

— Люди в зале.

— Не знаю.

— Вас это не беспокоит?

Вопрос прозвучал слишком прямолинейно. Женщина несколько секунд смотрела на него, словно пыталась понять, зачем он вообще задан.

— Сейчас это ничего не изменит. — И отвернулась.

Амарис почувствовала, как по коже прошёл холод. Пожилой мужчина больше ничего не сказал.

У поворота коридора им пришлось остановиться. Два сотрудника группы реагирования перекрывали путь, пока навстречу везли оборудование.

Амарис оглянулась.

В дальнем конце открылась другая дверь. Сначала появилась каталка, на этот раз тело было полностью накрыто. Она узнала туфли.

Восс.

Его вывозили из зала отдельным путём.

Каталка двигалась быстро. Один сотрудник толкал её, второй нёс пластиковый контейнер с маркировкой биологической опасности. Когда они проходили перекрёсток, переднее колесо ударилось о металлический порог. Каталка дёрнулась, и что-то маленькое упало на пол. Предмет, размером примерно с половину банковской карты, отлетел почти к самой стене.

Группа впереди снова двинулась.

— Не останавливаться, — сказал сотрудник.

Амарис сделала шаг, потом ещё один. Предмет остался справа от неё. Амарис замедлилась ровно настолько, чтобы туфля оказалась рядом с ним. Опустила сумку, словно поправляя ремешок. Наклонилась и ее пальцы сомкнулись вокруг холодного пластика.

— Доктор?

Она выпрямилась.

Сотрудник смотрел на неё.

— Каблук, — сказала Амарис.

Он перевёл взгляд на её туфли.

— Можете идти?

— Да.

Она убрала предмет в карман жилета. Только за поворотом позволила себе коснуться его через ткань. Плоский прямоугольник, не телефон, не обычная карта доступа. Но никакой возможности сейчас рассмотреть не было.

Впереди открылись двери лифтов. Людей распределяли по кабинам.

— Куда нас везут? — спросил кто-то.

— На нижний уровень.

— Это выход?

Сотрудник не ответил сразу.

— Медицинская зона первичного наблюдения.

По коридору прошёл недовольный шум.

— Вы сказали, нас выводят.

— Вас выводят из зоны возможного воздействия.

— Я хочу покинуть здание.

— До окончания первичного обследования это невозможно.

Амарис остановилась перед лифтом. Вот и всё. Она не выбралась. Просто сменила одну закрытую зону на другую.

Молодая женщина уже вошла в кабину. Пожилой мужчина встал рядом с ней. Остальные постепенно заполняли пространство. Амарис шагнула внутрь последней. Двери начали закрываться. И только тогда она ещё раз посмотрела в сторону коридора, из которого вывезли Восса.

Рейнара нигде не было.

Двери сомкнулись и лифт пошёл вниз.

Амарис сунула руку в карман и незаметно перевернула найденный предмет пальцами. На одной стороне поверхность была совершенно гладкой. На другой она нащупала едва заметное углубление. И выпуклые символы: V-2.

Глава 4. Категория

Лифт опускался настолько плавно, что движение выдавали только меняющиеся цифры над дверью. Сорок первый, тридцать девятый, тридцать шестой. Никто из находившихся внутри не разговаривал громко; даже пожилой мужчина, ещё несколько минут назад требовавший объяснить, куда их везут, теперь молчал, прислонившись плечом к металлической стене и время от времени поглядывая на собственное запястье, будто ожидал увидеть там первые признаки болезни.

Амарис стояла ближе к дверям, продолжая держать руку в кармане жилета, где лежал найденный возле каталки Восса модуль, и только теперь, когда вокруг не кричали, не падали люди и никто не пытался прорваться через закрытые двери, ощутила, насколько сильно напряжены мышцы спины. Ей хотелось расправить плечи, глубоко вдохнуть и хотя бы на несколько секунд перестать анализировать происходящее, однако именно отсутствие необходимости немедленно действовать оказалось хуже самого действия: пока рядом умирал человек, она знала, что нужно проверить дыхание, освободить пространство, оценить симптомы; теперь же оставалось только ждать и думать.

Она достала телефон, больше из необходимости занять руки, чем ради сообщений. Сеть внутри башни работала, но доступ к большинству внешних каналов был ограничен: в верхней части экрана появился значок внутреннего режима чрезвычайной ситуации, а вместо привычной строки уведомлений — короткая надпись о том, что участникам инцидента запрещено покидать здание до завершения первичного обследования.

Амарис посмотрела на телефон, затем на собственное отражение в его чёрном экране и, не привлекая внимания, вытащила аппарат из тонкого кожаного чехла. Модуль V-2 оказался немного меньше банковской карты и настолько плоским, что легко поместился между внутренней стенкой чехла и картой доступа, которую она обычно держала там вместе с основной платёжной картой. Никаких разъёмов или контактов на поверхности она не увидела; только гладкий тёмный корпус и выпуклые символы, которые теперь были прижаты к пластику телефона. Если внизу вещи попросят сложить в контейнер, обычный поверхностный осмотр ничего не даст. Разбирать чужой телефон до винта при двух сотнях участников вряд ли станут.

Она вернула чехол на место как раз в тот момент, когда лифт остановился.

Двери открылись не в больничный коридор, которого Амарис ожидала, а в широкое помещение, больше похожее на диагностический центр. Светлые стены, матовое стекло, мягкий рассеянный свет, стойки регистрации, закрытые двери по обе стороны длинного холла. Единственным признаком того, что этаж не предназначался для обычных пациентов, были временные перегородки, установленные наспех, и сотрудники в защитных халатах, которые сверяли списки, надевали на прибывших тонкие пластиковые браслеты и направляли их в разные зоны.

— Пожалуйста, по одному, — сказала женщина у стойки. — Устройство и личные вещи положите в контейнер. Украшения можно оставить, если они не мешают осмотру. После регистрации получите номер комнаты.

Амарис положила сумку и телефон в серый пластиковый лоток. Сотрудник провёл над вещами портативным сканером, проверил внутренние отделения сумки и вернул контейнер почти сразу, не снимая чехол с телефона. Она только после этого заметила, что всё это время задерживала дыхание, и медленно выдохнула, стараясь не показать облегчения.

На запястье ей закрепили белый браслет с чёрным цифровым кодом.

— Пока не снимайте, — предупредил сотрудник. — Цвет может быть изменён после первичного обследования.

— Что означает белый?

— Ожидание классификации.

— А остальные цвета?

Мужчина посмотрел на неё, будто вопрос оказался совершенно естественным, но ответ всё равно был заученным.

— Медицинские категории.

— Какие?

— Вам объяснят при необходимости.

Это Амарис не понравилось. И всё же она пошла туда, куда указали.

На первом этапе у неё измерили температуру, давление и насыщение крови кислородом, взяли кровь из вены, затем ещё один образец из пальца для экспресс-анализа. Молодая медсестра, почти не поднимая глаз, спрашивала о головной боли, тошноте, изменении чувствительности, судорогах в анамнезе, контакте с пострадавшими и приёме препаратов за последние семьдесят два часа. На последнем вопросе Амарис едва заметно замедлилась, вспомнив, как уже соврала сотруднику наверху.

— Контакт с пострадавшими был? — повторила медсестра.

Теперь скрывать это было бессмысленно. Если в зале работали камеры, достаточно было открыть запись.

— Я осматривала двоих после начала приступов и проверяла пульс у доктора Восса.

Медсестра наконец подняла голову.

— Непосредственный контакт с биологическими жидкостями?

— Перчаток на мне не было.

— Кровь на коже?

— Нет.

— Слюна?

— Нет, насколько я заметила.

Женщина отметила что-то в планшете, и Амарис ожидала, что на этом разговор закончится, однако медсестра задержала палец над экраном.

— Вы сказали, что доктор Восс уже был без пульса?

— Да.

— Судорожная активность сохранялась?

— После падения нет. Но до падения она была.

Медсестра посмотрела на неё чуть внимательнее.

— Вы это видели?

— Да.

— Насколько уверены?

— Достаточно.

На лице женщины ничего не изменилось, но она сделала ещё одну отметку, находившуюся, судя по движению пальца, не в том разделе, где до этого записывала симптомы.

— Ждите здесь.

— Зачем?

— Нужно завершить форму.

Она вышла из комнаты, оставив Амарис одну. Однако дверь осталась приоткрытой, и через несколько секунд Амарис услышала голоса в коридоре.

— ...она видела приступ до падения.

— Врач?

— Нейроиммунолог. Контакт подтверждает.

— Тогда не в общий.

— Почему? У неё симптомов нет.

Дальше голоса стали тише.

Амарис повернула голову, стараясь различить слова.

— ...не симптомы. Ты форму смотрела?

— Мне сказали заполнять только первую часть.

— Значит, заполняй первую. Остальное не трогай.

Шаги приблизились. Амарис успела вернуть взгляд к пустому экрану на стене прежде, чем медсестра вошла обратно.

— Всё в порядке, доктор Сольвен. Следующая дверь справа.

— Что значит «не в общий»?

На этот раз медсестра действительно растерялась, хотя всего на мгновение.

— Простите?

— Я слышала вас в коридоре.

— Мы распределяем участников по степени контакта.

— У меня был контакт с тремя пострадавшими. Логично было бы как раз отправить меня в группу повышенного риска.

— Решение принимает система.

Это уже звучало как способ закончить разговор. Амарис не стала настаивать.

Следующий кабинет оказался просторнее. Здесь попросили снять туфли, украшения и верхнюю часть одежды, после чего женщина-врач провела полный осмотр кожи, слизистых, зрачковых реакций и координации. Амарис послушно выполняла команды, подняв руки, повернувшись, позволив проверить спину и шею, а затем снова оделась, застегнув жилет и вернув на запястье золотой браслет. Телефон всё это время лежал в закрытом лотке у стены. Никто его больше не трогал.

На третьем этапе ей прикрепили к пальцам несколько тонких датчиков.

— Это зачем? — спросила Амарис.

— Вегетативная оценка после возможного воздействия.

— Что именно вы измеряете?

— Частоту сердечных сокращений, вариабельность ритма, кожную проводимость, периферическую температуру.

— Для диагностики реактивации?

Техник, молодой мужчина в голубой форме, чуть пожал плечами.

— Я выполняю протокол.

Перед Амарис включили экран.

Сначала появлялись простые задания: следить глазами за точкой, нажимать кнопку при изменении цвета, определять, одинаковые ли фигуры показаны слева и справа. Затем начали демонстрировать лица. Счастье. Страх. Отвращение. Гнев. Печаль. От неё требовалось выбрать соответствующую эмоцию из списка.

Слишком примитивно для полноценной нейропсихологической оценки.

Следующим заданием стали короткие видеозаписи. Автомобиль резко вылетал на пешеходный переход. Ребёнок падал с велосипеда. Мужчина смеялся за столом вместе с семьёй. Женщина узнавала кого-то в толпе и бросалась обнимать.

Амарис нажимала кнопки, всё сильнее хмурясь.

— Это всё ещё тест на последствия возможного воздействия?

— Да.

— Тогда объясните, каким образом распознавание социальных стимулов помогает определить сегодняшнюю экспозицию.

Техник отвёл глаза от планшета.

— Доктор Сольвен, я не разрабатывал методику.

— Я заметила.

— Осталось немного.

Следующее видео оказалось неприятнее предыдущих: человек сидел на полу возле больничной кровати, закрыв лицо руками, а затем медленно поднимал голову, когда врач сообщал ему что-то, чего зритель не слышал. Никакого насилия, крови или смерти на экране не было, однако смысл сцены не требовал пояснений.

Амарис почувствовала, как тело отреагировало раньше, чем разум успел сформулировать оценку: чуть изменилось дыхание, внутри неприятно сжалось. Она посмотрела на датчики.

Вот теперь всё стало понятно.

Они проверяли не способность распознавать эмоции. Они проверяли наличие собственной реакции на них. Она повернулась к технику.

— Кто включил эту батарею в протокол?

Он замер.

— Простите?

— При предполагаемом химическом или биологическом воздействии вас интересует моя реакция на изображение человека, потерявшего близкого. Это не скрининг острой нейроинойфекции.

— Я не могу обсуждать параметры тестирования.

— Потому что не знаете или потому что запрещено?

Ответа не последовало.

После завершения обследования Амарис вывели в общую зону ожидания. Там находилось около тридцати человек, рассаженных вдоль стен с таким расчётом, чтобы между креслами оставалось достаточно пространства. Большинство по-прежнему носило белые браслеты, однако у нескольких уже появились другие: зелёные, серые и тёмно-синие. Сотрудники подходили по одному, сверяли номер и либо меняли браслет, либо приглашали человека пройти через одну из трёх дверей в дальней части помещения.

Амарис села у стены и принялась наблюдать.

Сначала ей показалось, что цвета соответствуют риску контакта. Серые — те, кто находился рядом с пострадавшими, зелёные — минимальный риск, синие — нуждающиеся в дополнительной диагностике. Но довольно быстро теория развалилась.

Мужчине из первых рядов, которого она помнила ещё из зала, выдали зелёный браслет, хотя он находился всего в нескольких метрах от Восса. Женщина, сидевшая гораздо дальше и не имевшая никаких симптомов, получила серый. Один из врачей после короткого разговора снял с молодого мужчины белый браслет и заменил его тёмно-синим, после чего тот спокойно ушёл через дверь, возле которой не было медицинского оборудования.

Амарис посмотрела на часы. С момента падения Восса прошло меньше часа. Слишком быстро для части анализов, которые у неё взяли. Значит, сортировали их не только по лабораторным данным.

Рядом остановились двое сотрудников.

— Тринадцатый уже готов?

— Нет, повторяют.

— Почему?

— В первой батарее расхождение.

— Внешнее?

— Вегетатика.

Второй мужчина тихо выругался.

— Тогда зачем его вообще оставили здесь?

Они заметили Амарис и замолчали. Через минуту один из них ушёл, второй продолжил работу, делая вид, что разговора не было.

Расхождение.

Внешнее и вегетативное.

Амарис медленно провела большим пальцем по краю своего белого браслета.

Становилось всё труднее убеждать себя, что эмоциональные задания являлись обычной дополнительной оценкой пациентов после терапии. Особенно если организаторы ещё утром публично называли глубокие нарушения привязанности редким осложнением, а сейчас, менее чем через час после неизвестного инцидента, на отдельном этаже уже существовал готовый протокол, способный сравнивать внешнее выражение эмоций с физиологической реакцией.

Такой тест не собирали за сорок минут. Значит, он был здесь заранее.

Амарис некоторое время просто сидела, наблюдая за людьми. Один мужчина спорил по телефону с кем-то из семьи, пытаясь объяснить, что его не выпускают. Женщина рядом с ним плакала, тихо и беззвучно, постоянно вытирая лицо салфеткой. Двое исследователей обсуждали случившееся вполголоса, уже строя версии о токсическом воздействии.

Медсестра появилась в дальней двери с планшетом в руках и назвала три номера. Два человека поднялись. Третий номер никто не отозвался.

— Семьдесят четыре?

Женщина рядом с Амарис посмотрела на свой браслет.

— Я.

Медсестра подошла и отстегнула белую полосу, заменив её серой.

— Пройдите в сектор два.

— А что означает серый?

— Дополнительное наблюдение.

— У меня что-то нашли?

— Врач всё объяснит.

Женщина заметно побледнела.

— У меня двое детей. Я должна хотя бы знать, что происходит.

— Пожалуйста, пройдёмте.

Она ушла, продолжая задавать вопросы.

Амарис смотрела ей вслед, пока из соседнего коридора не появился молодой сотрудник с несколькими планшетами, прижатыми к груди. Он шёл слишком быстро, одновременно разговаривая с кем-то через гарнитуру, и, не заметив небольшого порога возле автоматической двери, зацепился носком обуви. Один планшет выскользнул из его рук, ударился о пол и прокрутился экраном вверх почти у ног Амарис.

Она автоматически наклонилась, чтобы помочь. Экран ещё не успел заблокироваться. Перед ней была открыта таблица. Она увидела её не больше двух секунд.

Цвет. Номер. Короткое обозначение категории.

Зелёный — допуск.

Серый — повторная оценка.

Синий — АФФ.

И ниже, почти у самого края экрана:

Красный — выбраковка.

Сотрудник резко поднял планшет.

— Спасибо.

Амарис выпрямилась.

— Что означает АФФ?

Он посмотрел на неё.

— Не знаю, доктор.

Он ушёл.

Она снова села, уже не чувствуя усталости.

Выбраковка.

Слово было техническим, почти лабораторным. Так обозначали образец, не прошедший контроль качества, партию реагента, результат, который нельзя включать в анализ.

Не человека.

По крайней мере, обычно.

Амарис посмотрела на свои руки. Никакой дрожи теперь не было. Страх никуда не исчез, но приобрёл форму, с которой она умела работать: было несоответствие, были данные, следовательно, можно было искать причину. На верхних этажах несколько человек одновременно пережили состояние, не похожее на естественную реактивацию известной болезни. Здесь, в медицинской зоне, заранее подготовили батарею тестов на эмоциональный ответ. Организаторы форума говорили о глубокой аффективной дисфункции как о редкости, однако персонал был готов сортировать людей по показателям, которые имели смысл только в контексте этой самой дисфункции.

И где-то между всем этим существовал модуль с маркировкой V-2, выпавший рядом с телом исследователя, доклад которого удалили из программы.

У неё пока не было ответа. Зато впервые появился правильный вопрос: что именно они ожидали здесь найти?

— Доктор Сольвен?

Амарис подняла голову. Перед ней стояла женщина лет пятидесяти в белом халате. На бейдже не было названия клиники, только фамилия и обозначение внутренней медицинской службы.

— Да.

— Нам нужно повторить часть обследования.

— Какую?

— Короткую когнитивную батарею.

— Первая была нормальной.

— Я знаю.

— Тогда зачем повторять?

Женщина улыбнулась профессионально и совершенно без выражения.

— Таков протокол.

Амарис встала.

Её провели не в тот кабинет, где она была раньше, а в небольшую комнату в конце коридора. Здесь не было большого диагностического оборудования. Только стол, два кресла, экран на стене и тонкий обруч датчика, лежавший рядом с планшетом.

— Садитесь.

Амарис села.

Женщина закрепила датчики на её пальцах, затем на запястье и возле ключицы.

— Сейчас вам покажут несколько информационных фрагментов. Некоторые могут быть неприятными. Ваша задача — внимательно прочитать текст и ответить на вопросы после него.

— Что вы измеряете?

— Реакцию на стрессовую информацию.

— В связи с сегодняшним воздействием?

— В рамках общего протокола.

Амарис слегка улыбнулась.

— Разумеется.

Женщина включила экран.

Сначала появился короткий текст о транспортной аварии в другом регионе. Затем сообщение о пожаре. Потом фотография разрушенного здания и просьба определить, какое утверждение соответствует прочитанному. Амарис отвечала без ошибок, всё больше убеждаясь, что

содержание подобрано не случайно: каждое сообщение было эмоционально негативным, но достаточно отстранённым, чтобы обычный человек воспринимал его скорее как новость.

Следующая карточка загружалась дольше. Амарис увидела название города и нахмурилась.

Леррен.

Небольшой научный город, в который её родители переехали вместе с ней почти двадцать лет назад. На экране появилась фотография исследовательского корпуса. Она узнала здание сразу.

Серый фасад. Длинные горизонтальные окна. Центральный стеклянный переход между двумя блоками. В детстве отец несколько раз брал её туда по выходным, когда не мог найти человека, с которым можно было оставить девятилетнюю дочь.

Под фотографией шёл текст.

Сегодня в 14:07 в исследовательском комплексе Леррена произошла авария, приведшая к частичному разрушению лабораторного блока. Причины устанавливаются. Подтверждена гибель одиннадцати сотрудников.

Амарис перестала дышать. Она прочитала предложение ещё раз.

Ниже появился список фамилий. Она не искала их глазами. Они сами оказались там.

Сначала фамилия матери. Через строчку — отца.

Несколько секунд Амарис просто смотрела на экран, ожидая, что мозг исправит увиденное, найдёт несовпадение, другую фамилию, другого человека с тем же именем, какую-нибудь техническую ошибку, потому что именно для этого существовал разум: чтобы взять невозможное и обнаружить в нём ошибку.

Ничего не изменилось. Имя матери оставалось на месте. Имя отца тоже.

В груди появилось странное ощущение, слишком большое, чтобы сразу назвать его болью. Сначала оно было почти физическим, словно пространство внутри стало теснее, а затем что-то горячее поднялось к горлу, заставив её резко вдохнуть. Перед глазами поплыл текст.

Ей вспомнилось не то, чего она ожидала бы от человека, только что узнавшего о смерти родителей. Не объятие. Не признание в любви. Таких воспоминаний почти не было.

Вместо этого она увидела мать, стоявшую у кухонного стола и раскладывавшую таблетки по времени, когда Амарис заболела в двенадцать. Отца, молча оплатившего её первый семестр в университете и отправившего ей таблицу расходов на весь год. Машину, на которой они привезли её в столицу. Коробки с книгами. Сообщение от матери после открытия лаборатории: *Я посмотрела публикацию. Методология стала лучше.*

Тогда Амарис разозлилась, потому что хотела услышать совсем другое. Теперь ей вдруг отчаянно захотелось получить ещё одно такое сообщение. Любое. Даже с замечанием к методологии.

Она моргнула, но слёзы всё равно выступили на глазах.

— Нет, — тихо произнесла она, сама не понимая, кому возражает.

Женщина напротив ничего не сказала. Амарис посмотрела на неё. Врач следила не за экраном. Она следила за показателями на планшете.

И только тогда Амарис увидела маленькую зелёную линию, резко поднимающуюся вверх вместе с её пульсом.

Глава 5. Красный сектор

Зелёная линия на планшете поднялась ещё выше, когда Амарис снова перевела взгляд на список погибших. Врач ничего не сказала и не сделала попытки убрать экран, хотя, если перед ней действительно находилась женщина, только что узнавшая о смерти обоих родителей, естественнее было бы хотя бы дать ей несколько минут или предложить воды. Вместо этого она сидела напротив, удерживая планшет под удобным для себя углом, и следила за цифрами, появлявшимися рядом с графиками сердечного ритма, проводимости кожи и дыхания. Именно это, больше самой новости, постепенно возвращало Амарис способность мыслить.

Она заставила себя ещё раз посмотреть на фотографию разрушенного корпуса. В верхнем углу стояло сегодняшнее число, ниже — время аварии, затем несколько сухих предложений, написанных тем безличным языком, каким обычно сообщали о катастрофах до появления официальных подробностей. Одиннадцать погибших. Причины устанавливаются. Следственные службы работают на месте. Фамилии родителей оставались в списке, сколько бы Амарис ни пыталась найти в них ошибку.

— Откуда у вас эта информация? — спросила она наконец.

Женщина подняла глаза от планшета.

— Вам необходимо продолжать смотреть на экран.

— Я спросила, откуда у вас эта информация.

— Источник информационного фрагмента не входит в параметры обследования.

Фраза была настолько нелепой, что Амарис несколько секунд просто смотрела на врача, пытаясь понять, услышала ли она её правильно.

— Там мои родители.

— Я понимаю.

— Нет, — Амарис почувствовала, как голос становится жёстче, хотя повышать его она не стала. — Вы, кажется, не понимаете. Если это произошло сегодня, я хочу знать, откуда вы получили подтверждение их смерти.

Женщина на мгновение опустила взгляд на экран, словно сверяясь не с данными, а с инструкцией, после чего произнесла:

— Я не уполномочена обсуждать содержание тестовых материалов. Пожалуйста, оставайтесь на месте до завершения регистрации результата.

Слово «тестовых» Амарис заметила, но сейчас оно ничего не объясняло. В медицинских исследованиях любая информация, предъявляемая пациенту во время задания, называлась стимульным или тестовым материалом; это не означало, что сама информация была выдумана. Кроме того, фотография была слишком точной. Корпус действительно принадлежал исследовательскому комплексу Леррена, причём на снимке оказался тот самый блок, где работали родители. Если кто-то хотел проверить её реакцию, ему пришлось не просто найти их имена, а поднять достаточно личной информации, чтобы выбрать место, которое она узнала бы мгновенно.

На экране погасло изображение здания. Вместо него появился нейтральный серый фон.

Амарис закрыла глаза всего на секунду. Ей хотелось достать телефон и позвонить матери, потом отцу, но даже эта простая мысль странным образом не превращалась в действие. Если они действительно погибли, звонить было некому. Если информация ошибочна, она выяснит это через несколько минут. Разум пытался построить последовательность действий, тогда как тело продолжало реагировать на уже случившееся: сердце билось слишком быстро, под рёбрами сохранялось неприятное давление, а руки, лежавшие на коленях, приходилось удерживать неподвижно сознательно.

Врач сняла датчик с её запястья, затем освободила пальцы и повернула планшет к себе.

- Обследование завершено.
- И?
- Результаты будут внесены в общую карту.
- Какие результаты?

На этот раз женщина ответила не сразу. Амарис успела увидеть несколько строк на её экране, прежде чем тот повернулся окончательно: аффективная реактивность сохранена, ниже — выраженная автономная реакция, а ещё ниже стояла формулировка, которую она не успела прочитать целиком, кроме последних слов: ...внешнего контроля.

Врач открыла небольшой контейнер на краю стола, достала оттуда красный пластиковый браслет и протянула руку к запястью Амарис.

- Белый снимите.
- Почему красный?
- Изменение категории после повторного тестирования.
- Я видела вашу таблицу. Красный обозначает выбраковку.

На лице женщины впервые появилось что-то похожее на настоящую реакцию. Не испуг, скорее раздражение человека, обнаружившего, что пациент знает внутренний термин, который знать не должен.

- Где вы это видели?
- Какая разница?
- Доктор Сольвен, внутренние обозначения не предназначены для участников обследования.

— Тогда объясните мне внешнее. Что именно во мне вы «выбраковали»?

Женщина мягко, но достаточно настойчиво взяла её за запястье и застегнула красную полоску поверх кожи.

— Вас направят в дополнительный сектор. Там ответят на вопросы.

Амарис посмотрела на браслет. Красный цвет казался почти вызывающе ярким на фоне золотого украшения рядом с ним.

- Я хочу связаться с семьёй.
- Связь будет доступна после завершения процедуры.
- Мне только что показали, что мои родители погибли.

Женщина задержала её взгляд и сказала:

— Я не могу предоставить вам другую информацию.

На этом разговор закончился.

Красный сектор находился на том же этаже, но добраться до него можно было только через отдельный коридор, отделённый от основной диагностической зоны двумя автоматическими дверями. Сначала Амарис решила, что туда отправляют пациентов с повышенным риском заражения, однако уже через несколько минут стало понятно, что инфекционный контроль здесь почти ни при чём. Никто не надевал дополнительные средства защиты, давление воздуха не отличалось от соседних помещений, на стенах не было обозначений изоляционного режима. Людей просто отделяли друг от друга и рассаживали в небольшие комнаты ожидания, соединённые широким коридором со стеклянными диагностическими кабинетами.

Часть стекла была затемнена, часть оставалась прозрачной.

Проходя мимо одного из кабинетов, Амарис заметила мужчину лет шестидесяти, сидевшего в кресле с датчиками на голове и груди. Перед ним на стене располагался экран, которого отсюда было почти не видно, зато выражение лица мужчины читалось хорошо. Он плакал, не пытаясь вытереть слёзы, пока врач рядом что-то отмечал в планшете. Через несколько секунд изображение на экране сменилось, мужчина судорожно вдохнул, а сотрудник попросил его снова смотреть вперёд.

В соседней комнате женщина держала в руках фотографию.

Амарис не разглядела, кто был на снимке, но заметила, как врач забрал фотографию, положил её в папку и почти сразу протянул следующую.

Дальше стоял ещё один пациент, уже без датчиков. Его просили пересказать какое-то событие, записывая речь сразу двумя камерами, установленными под разными углами. Когда мужчина улыбнулся, сотрудница за стеклом что-то сказала коллеге, и оба посмотрели не на него, а на график.

Не обследование после неизвестного воздействия. По крайней мере, не только оно.

В комнате, куда привели Амарис, уже сидели четверо. Женщина из юридического отдела консорциума, молодой исследователь, которого она видела утром в атриуме, пожилой мужчина с дрожащими руками и ещё один человек, лежавший на кушетке, отвернувшись к стене. У всех были красные браслеты. Никто не разговаривал.

Амарис выбрала кресло у двери, откуда была видна часть коридора, и достала телефон. На экране по-прежнему висело предупреждение о чрезвычайном режиме; внешние вызовы, судя по значку сети, должны были работать, однако при попытке открыть список контактов появилось сообщение, что связь временно ограничена на уровне внутренней сети здания.

Она попробовала набрать номер матери вручную. Вызов не прошёл. Второй раз — то же самое. Тогда Амарис открыла браузер и ввела название Леррена. Страница загрузилась только наполовину, после чего появилась заглушка внутренней сети. Новостные сайты были недоступны.

Она убрала телефон, чувствуя, как страх, который удавалось удерживать на расстоянии, снова поднимается изнутри. Если родители действительно погибли, она сидела в нескольких сотнях километров от места аварии и не могла даже подтвердить их смерть. Если не погибли, кто-то только что использовал их смерть как инструмент для воздействия. Ни один вариант не казался нормальным.

За дверью разговаривали двое сотрудников.

Сначала Амарис не прислушивалась, но затем услышала слово «красные».

— Сколько осталось?

— Семнадцать здесь, ещё девять в третьем блоке.

— Всех держим?

— До передачи исследовательской группе.

— Они же не прошли профиль.

— Поэтому и держим.

Несколько секунд было тихо.

— Я думал, выбраковку отпускают после повторного скрининга.

— Раньше отпускали. Сегодня другое распоряжение.

— От кого?

— Не знаю. Через координатора.

Второй голос стал тише, и Амарис пришлось слегка повернуть голову к двери.

— А согласие?

— Чрезвычайный протокол. Мне сказали, что красные остаются до прибытия исследовательской группы, синие — отдельно, зелёные после наблюдения идут на выпуск. Всё.

Шаги удалились.

Амарис не сразу осознала, что перестала дышать нормально.

Исследовательская группа.

Она посмотрела на людей в комнате. Женщина из юридического отдела сидела, прижав ладони к коленям, и, похоже, вообще не слышала разговора. Молодой исследователь листал что-то в телефоне. Мужчина на кушетке не двигался.

Возможно, никакого зловещего смысла в словах не было. В условиях неизвестного биологического или химического воздействия любой нестандартный результат становился

научно ценным, и расширенное обследование могло быть оправдано. Амарис сама участвовала в исследованиях, где атипичный образец оставляли для дополнительных анализов именно потому, что стандартная модель его не объясняла. Только людей обычно сначала спрашивали.

Она посмотрела на красную полосу вокруг запястья.

Выбраковка.

Термин вдруг приобрёл другой оттенок. Не «опасный». Не «больной». Просто неподходящий под основную группу, а значит удобный для чего-то другого.

Дверь открылась. Вошла медсестра с несколькими непрозрачными пакетами и небольшим сканером.

— Участники красного сектора временно передают электронные устройства на хранение. Телефоны будут возвращены после завершения расширенного обследования.

Женщина рядом сразу нахмурилась.

— На каком основании?

— Требование протокола. Устройства будут запечатаны при вас, номер пакета внесём в карту.

— Я адвокат консорциума.

— Я вижу ваш бейдж.

— Тогда вы понимаете, что изъятие личного устройства без моего согласия...

— Это не изъятие, — спокойно перебила медсестра. — Временное хранение в закрытой медицинской зоне.

Она подошла к первому человеку.

Амарис не услышала дальнейшего спора.

Внутри её телефона лежал V-2.

Если устройства действительно просто сложат в пакеты, ничего не произойдёт. Если перед этим их снова проверят сканером — неизвестный электронный модуль может обнаружиться. Если человек, которому принадлежал модуль, погиб менее часа назад, а устройство найдут у неё, объяснить случайную находку станет значительно сложнее, чем подобрать её с пола.

Она посмотрела на дверь. Потом на медсестру. До неё оставалось три человека.

Решение пришло без ощущения решимости. Скорее Амарис вдруг поняла, что вариантов, которые она готова принять, больше нет. Отдать телефон она не могла. Оставаться и ждать исследовательскую группу, не понимая даже цели тестов, тоже.

Значит, нужно было выйти. Она поднялась.

— Мне в туалет.

Медсестра едва взглянула на неё.

— В конце коридора направо. Телефон оставьте здесь.

— Я вернусь через минуту.

— Устройства передаются до выхода из комнаты.

Амарис позволила себе коротко нахмуриться, словно раздражённая врачом бюрократией женщины, а не человек, который только что решил покинуть закрытый сектор.

— Тогда хотя бы дайте мне закончить сообщение лаборатории.

— Связь всё равно ограничена.

— Внутренняя почта работает.

Медсестра посмотрела на остальных. Юрист снова начала объяснять что-то о правовых основаниях хранения устройств, отвлекая её внимание не намеренно, а исключительно потому, что была собой.

— Минута, — сказала медсестра наконец.

— Спасибо.

Амарис вышла, но не пошла к туалету. Сначала двинулась в ту сторону, куда указала медсестра, прошла мимо двух закрытых кабинетов и только затем замедлилась у стеклянной стены, будто пытаясь найти обозначение. Сердце снова ускорилося, но внешне она продолжала двигаться спокойно, стараясь не смотреть по сторонам слишком часто. В конце коридора действительно находился туалет. Рядом с ним — дверь без маркировки, через которую несколько минут назад выходил санитар с контейнером для биологических образцов. Она запомнила её ещё по дороге в сектор.

Дверь открылась внутрь. Амарис нажала ручку.

Не заперто.

За ней находился узкий служебный коридор, пахнувший пластиком, антисептиком и чем-то металлическим. Слева стояли тележки с бельём, справа — высокий шкаф с одноразовой одеждой. В дальнем конце горел зелёный указатель лабораторной логистики.

Она закрыла дверь за собой. На несколько секунд стало настолько тихо, что Амарис услышала собственный пульс. Вернуться всё ещё было возможно.

Отдать телефон, дождаться обследования, потребовать объяснений позже. Скорее всего, никто не собирался причинять ей вред. Вероятнее всего, «исследовательская группа» действительно была просто исследовательской группой.

Она вспомнила лицо женщины, сообщившей ей о смерти родителей, и то, как та смотрела не на Амарис, а на график, пока её пульс поднимался.

Нет.

Амарис открыла шкаф.

Внутри лежали сложенные халаты, маски, шапочки и перчатки. Она сняла красный браслет не сразу: пластиковый замок оказался рассчитан на одноразовое использование, поэтому пришлось несколько раз согнуть полоску, пока тонкое соединение не треснуло. Браслет она не выбросила в обычную корзину, стоявшую рядом с дверью. Если её начнут искать, его обнаружат слишком быстро. Вместо этого положила в контейнер с использованными одноразовыми покрытиями, утопив между несколькими скомканными халатами.

Затем сняла золотой браслет и кольцо, спрятала их в сумку, надела поверх жилета длинный голубой халат, закрывший почти всю одежду, собрала волосы выше и убрала под шапочку. Красные пряди исчезли. Маска закрыла половину лица.

В зеркальной поверхности шкафа на неё смотрела совершенно другая женщина.

Однако у нее оставалась сумка, которая могла вызвать вопросы. Амарис быстро положила телефон, документы и кошелёк в большие карманы халата. После этого она взяла с тележки пустой пластиковый контейнер для образцов.

Указатель вёл к лабораторным лифтам.

На первом перекрёстке навстречу прошли две медсестры, обсуждавшие дозировку какого-то препарата. Ни одна на неё не посмотрела. Дальше санитар катил большую тележку с герметичными пакетами. Он попросил пропустить, Амарис прижалась к стене, пропустила его и двинулась дальше.

Только тогда она поняла, насколько сильно ждала, что её остановят. Никто не остановил.

В конце коридора находились два лифта. Рядом — схема технических этажей. Медицинский блок располагался на двадцать четвёртом. Лабораторная логистика — двадцать первый и восемнадцатый. Ниже пятого начинались инженерные помещения, склад и погрузочная зона.

Амарис нажала вызов. На панели загорелась надпись:

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН. ПРИЛОЖИТЕ ИДЕНТИФИКАТОР.

Разумеется. Она посмотрела назад. Коридор оставался пустым.

Собственный бейдж форума находился в кармане сумки под халатом, но даже если он работал на этом уровне, использовать его означало оставить в системе точную отметку: Амарис Сольвен пыталась спуститься через служебный лифт.

Рядом с лифтами была лестница. Дверь открывалась без идентификатора. Наверное, потому что пожарные выходы должны были открываться изнутри. Амарис вошла и начала спускаться.

Первый пролёт дался легко. На втором она сняла туфли, понимая, что на шпильках по бетонной лестнице быстрее выдаст себя звуком, чем успеет добраться до нижнего этажа. Держа их в одной руке и контейнер в другой, она прошла двадцать третий, двадцать второй, двадцать первый этаж.

На двадцатом дверь распахнулась. Амарис остановилась.

Мужчина в защитном костюме вышел на лестницу, держа планшет возле лица. Он увидел её, но продолжил разговор через гарнитуру.

— Нет, первые образцы уже ушли вниз. Синие отдельно, я сказал отдельно. Красные только после разрешения.

Он прошёл мимо.

Амарис не двинулась до тех пор, пока его шаги не исчезли наверху.

Синие отдельно.

Аффективная дисфункция.

Красные после разрешения.

Она продолжила спуск.

К пятнадцатому этажу начали болеть ноги. На десятом появилось желание просто сесть на ступеньку, снять маску и несколько минут ничего не делать. Чем ниже спускалась, тем меньше становилось признаков медицинского центра: исчезли запахи антисептика, стены стали обычным серым бетоном, за дверями слышались работа вентиляции и гул инженерных систем.

На шестом этаже путь неожиданно закончился. Дверь лестницы была заблокирована электронной системой, а дальше вниз стояла металлическая решётка с красным индикатором.

Амарис выругалась почти беззвучно. Подняться обратно значило потерять двадцать минут и, возможно, встретить уже начавший её искать персонал. Она осмотрела площадку. На стене висела схема эвакуации.

Основная лестница действительно обрывалась на шестом этаже из-за разделения пожарных зон, но на пятом существовал другой спуск, соединённый с техническим коридором через соседнее крыло. Чтобы попасть туда, нужно было выйти с лестницы.

Дверь на шестом открылась. За ней оказался офисный этаж.

Никакой медицинской зоны, никакой охраны. Большинство помещений пустовало, вероятно, потому что во время чрезвычайного режима сотрудников вывели или не пустили наверх. Амарис прошла вдоль тёмных стеклянных переговорных, всё ещё держа пустой контейнер, который теперь выглядел почти абсурдно.

На повороте сидел охранник. Она увидела его слишком поздно. Мужчина поднял голову от планшета.

— Вы откуда?

Амарис остановилась.

Готового ответа не было.

— Двадцать четвёртый, — сказала она.

— Медицинский?

— Да.

Он посмотрел на контейнер.

— Через офис зачем?

— Лабораторный лифт заблокирован.

Пауза.

— Сейчас всё заблокировано.

— Я заметила.

Он снова посмотрел на планшет.

Амарис заставила себя не объяснять ничего дальше. Люди, которым действительно есть что скрывать, часто начинают говорить слишком много. Она просто стояла, будто ожидала от него решения чужой технической проблемы.

Охранник махнул рукой в сторону коридора.

— В конце направо, потом вниз. Но пятый закрывают.

— Спасибо.

Первые шаги оказались самыми трудными, потому что всё тело требовало ускориться. Только завернув за угол, Амарис позволила себе вдохнуть полной грудью. Следующая лестница действительно спускалась до погрузочного уровня.

На втором этаже она вернула туфли, хотя ноги протестовали. Медицинский халат сняла и оставила в контейнере для чистого белья возле служебной комнаты, шапочку и маску выбросила отдельно, после чего достала сумку и снова надела украшения. Теперь она выглядела примерно так же, как утром, если не считать помятого жилета, слегка растрепавшихся волос и выражения лица, которое никакой стилист не смог бы исправить.

Дверь на подземный уровень открылась без карточки. С другой стороны пахло мокрым бетоном, выхлопом и холодным воздухом.

Паркинг.

Несколько машин службы реагирования стояли возле грузового входа, дальше располагались обычные парковочные места сотрудников. У шлагбаума дежурила охрана, поэтому идти туда было бессмысленно. Амарис двинулась вдоль стены и довольно быстро увидела указатель пешеходного аварийного выхода.

Наверх вела ещё одна лестница. На этот раз всего два пролёта. Дверь в конце была оснащена аварийной ручкой, над которой висела предупреждающая надпись о том, что открытие может активировать сигнализацию в период режима изоляции.

Амарис остановилась. Если сигнализация сработает, у неё будет несколько минут. Возможно, меньше. За дверью находился город. Внутри — люди, которые через несколько минут обнаружат её отсутствие, но на раздумья времени не оставалось.

Она нажала ручку. Сирены не было. Только маленький индикатор над дверью сменился с зелёного на красный.

Амарис вышла.

Холодный воздух ударил в лицо настолько резко, что она на мгновение остановилась. После искусственного климата башни сентябрьский день казался почти ледяным; дождь закончился, но асфальт оставался мокрым, машины шли по проспекту, где-то сигналили, на другой стороне улицы люди стояли возле кофейни, и никто из них не выглядел так, словно в нескольких десятках этажей над их головами человек только что сорвался с технического мостика, ещё несколько пережили необъяснимые приступы, а десятки участников форума продолжали сортировать по цветным браслетам.

Амарис прошла до угла здания, прежде чем позволила себе остановиться. Телефон по-прежнему находился в кармане. Она достала его, значок внутренней сети исчез, вместо него появились обычные полосы связи.

Несколько уведомлений загрузились одновременно, но Амарис пока не смотрела ни на одно из них. Большим пальцем она провела по краю чехла, ощущая под ним небольшую дополнительную толщину.

V-2 всё ещё был там.

Только теперь, оказавшись снаружи, Амарис впервые позволила себе подумать не о том, как выбраться, и не о том, что происходило на форуме.

Она открыла список контактов. Имя матери было почти в самом низу недавних вызовов. Амарис нажала на него.

Пошли гудки.

Глава 6. Официальная версия

Мать ответила на четвёртом гудке, и за те несколько секунд, пока Амарис слушала ровные длинные сигналы, она успела представить столько вариантов, что, услышав наконец знакомое суховатое «Да?», не сразу поняла, что произошло. Она стояла возле стены соседнего здания, прикрываясь от ветра узким выступом фасада, и смотрела на людей, проходивших мимо с бумажными стаканами, пакетами и раскрытыми зонтами, хотя дождь уже почти закончился. Где-то за её спиной возвышалась башня, из которой она только что вышла через служебный уровень, однако отсюда её верхние этажи терялись среди десятков таких же стеклянных плоскостей, и город продолжал жить так спокойно, словно ничего внутри них не происходило.

— Мам?

— Амарис? — в голосе матери появилось лёгкое недоумение. — Ты звонишь посреди дня.

Амарис закрыла глаза.

Этого оказалось достаточно, чтобы остаточное напряжение, которое всё время держалось где-то в мышцах и не мешало действовать, на секунду сорвалось. Она прижала телефон сильнее к уху, чувствуя, как нелепо быстро снова учащается пульс.

— Ты на работе?

— Где же мне ещё быть?

— Папа тоже?

Теперь пауза была длиннее.

— Да. Что случилось?

Амарис посмотрела на проезжающий автобус, на женщину возле перехода, придерживавшую капюшон ребёнка, на мокрый асфальт, отражавший красный сигнал светофора. Несколько минут назад она видела фамилии родителей в списке погибших и была совершенно уверена, что их больше нет. Её тело уже успело принять эту информацию за факт, отреагировать на неё, сохранить её в той части памяти, где не существовало слов.

— Ничего, — сказала она. — Просто решила позвонить.

— В рабочий день?

Амарис невольно усмехнулась.

— Я иногда тебе звоню.

— Обычно по воскресеньям.

Конечно, она помнила.

Семья Сольвен умела превращать даже близость в расписание.

— Значит, сегодня исключение.

Мать некоторое время молчала. На заднем плане кто-то что-то спросил, затем послышался скрип двери и приглушённые шаги.

— У тебя всё нормально?

Вопрос прозвучал почти деловым, но Амарис знала мать достаточно хорошо, чтобы услышать за ним то небольшое количество беспокойства, которое та вообще позволяла себе проявлять.

— Да. Был сложный день.

— Форум?

Амарис нахмурилась.

— Ты помнила?

— Ты говорила две недели назад.

Она действительно говорила. За ужином, во время одного из редких приездов в Леррен, когда отец читал что-то на планшете, а мать расспрашивала её о новой диагностической

панели. Амарис тогда упомянула форум между двумя другими рабочими темами и была уверена, что никто не придаст этому значения.

— Его прервали, — сказала она. — Медицинский инцидент.

— Серьёзный?

— Пока не знаю.

Это была первая ложь в разговоре, хотя формально Амарис действительно не знала, насколько серьёзным было произошедшее. Она знала только, что один человек разбился насмерть у неё на глазах, ещё несколько начали биться в судорогах, участников заперли в здании и подвергли обследованию, которое не имело очевидного отношения к первоначальной угрозе.

— Ты не пострадала?

— Нет.

— Тогда почему спрашиваешь нас с отцом?

Амарис опустила взгляд на собственную руку. На месте красного браслета осталась тонкая полоса, слегка натёршая кожу.

— Не знаю. Наверное, после всего этого захотелось убедиться, что вы в порядке.

Мать не ответила сразу.

— Мы в порядке, — сказала она наконец. — Хотя сегодня почему-то все решили проверять именно это.

Амарис подняла голову.

— Что значит все?

— Утром звонили из какого-то административного отдела. Спрашивали, нахожусь ли я сегодня в институте, работает ли твой отец, не меняли ли мы расписание. Я решила, что это связано с аудитом или страховкой.

Шум улицы будто отодвинулся.

— Когда?

— Не знаю. Часов в девять.

— Кто звонил?

— Женщина. Представилась службой внутреннего контроля. По-моему, назвала фамилию, но я не записала.

— Она спрашивала именно про вас обоих?

— Да.

— И ничего больше?

Мать явно начала раздражаться.

— Амарис, я была между двумя совещаниями. Она уточнила, на месте ли мы, я ответила. Если это важно, могу узнать у секретаря, откуда был звонок.

— Не надо пока.

— Тогда объясни, почему ты спрашиваешь.

Амарис несколько секунд молчала.

Тест в медицинском центре перестал быть просто психологической провокацией, собранной из доступных данных. Чтобы показать ей сегодняшнюю смерть родителей и добиться максимальной достоверности, кто-то утром проверил, находятся ли оба в лаборатории. Значит, сценарий подготовили заранее, до падения Восса и объявления чрезвычайного режима.

Или, что было ещё хуже, подготовили не конкретный сценарий, а систему, способную собирать такие сценарии для каждого человека за считанные минуты.

— Позвони секретарю позже, — сказала Амарис. — Только не сейчас. И никому больше об этом не рассказывай.

— Почему?

— Я перезвоню вечером.

— Хорошо.

Она уже собиралась закончить вызов, когда мать неожиданно добавила:

— И поешь что-нибудь. Ты обычно забываешь, когда нервничаешь.

Амарис замерла, не найдя подходящего ответа.

— Хорошо.

Мать отключилась первой.

Она ещё некоторое время держала телефон возле уха, хотя разговор уже закончился, а затем медленно опустила руку. Обычная короткая фраза задела сильнее всей их беседы. Возможно, именно поэтому, увидев на другой стороне улицы небольшое кафе, Амарис решила зайти туда, хотя есть по-прежнему не хотелось.

Внутри было тепло, пахло кофе и выпечкой. За окнами люди спешили по своим делам, не обращая внимания на новостные машины, уже начавшие собираться в квартале, где находилась башня. Амарис выбрала столик у стены, но сначала подошла к стойке.

— Эспрессо? — уточнил бариста, взглянув на её заказ. — Обычный или покрепче?

Она посмотрела на него, затем на ряд бутылок с сиропами, стоявших позади кофемашины.

— Сейчас я бы не отказалась от чего-нибудь действительно покрепче.

Парень на секунду растерялся, потом понял и улыбнулся.

— Алкогольной лицензии у нас, к сожалению, нет.

— Тогда двойной.

— Это мы можем.

Амарис расплатилась, забрала чашку и села так, чтобы видеть вход и открыла новостную ленту. Первое сообщение появилось двадцать семь минут назад.

Медицинский форум в центре Эйдрена закрыт после инцидента с неизвестным нейроактивным агентом.

Амарис прочитала заметку полностью. По официальной информации, во время закрытой научной конференции несколько участников внезапно почувствовали ухудшение состояния, после чего был активирован стандартный протокол химико-биологической безопасности. Представитель медицинского консорциума подчёркивал, что признаков распространения опасного агента за пределы комплекса не обнаружено, вентиляционные системы изолированы, все участники находятся под наблюдением специалистов.

Ни слова о человеке, упавшем на сцену.

В следующей публикации уже упоминались погибшие.

По предварительным данным, четыре человека погибли, одиннадцать госпитализированы. Причины смерти устанавливаются.

Четыре.

Амарис провела пальцем по экрану, вернувшись к началу текста. Восс был одним. Мужчина, которого реанимировали рядом с ней, мог стать вторым. Женщина, затоптанная у выхода, — третьей. О четвёртом она ничего не знала. Или же официальная цифра вообще не отражала того, что происходило внутри.

Она открыла ещё несколько источников. Формулировки почти не отличались друг от друга. «Неизвестный нейроактивный агент». «Локальный медицинский инцидент». «Угрозы населению нет». «Причины устанавливаются».

Сообщение от системы форума пришло, пока Амарис дочитывала третью статью.

Уважаемый участник. В связи с продолжающимся расследованием просим воздержаться от распространения непроверенной информации, фото-, видео- и аудиоматериалов, относящихся к инциденту. Все медицинские рекомендации будут направлены дополнительно. В случае появления неврологических симптомов незамедлительно обратитесь по указанному номеру.

Ни одного слова о том, что часть участников уже покинула медицинскую зону. Ни одного вопроса о том, где находится она сама.

Пока что.

Амарис сделала глоток эспresso и открыла поисковик, введя несколько комбинаций, связанных с эмоциональными побочными реакциями основной терапии. Статьи были, причём достаточно много: временное снижение эмоциональной интенсивности, притупление тревожных реакций, снижение либидо у части пациентов, нарушения сна, кратковременная апатия. В популярной прессе состояние обычно сравнивали с тем, что некоторые люди описывали на фоне антидепрессантов. Большинство материалов подчёркивало, что эффект обратим. От нескольких недель до нескольких месяцев.

Ничего о мужчине, который помнит жену и детей, но больше ничего к ним не чувствует. Ничего о «группе D». Ничего о пациентах, чьи вегетативные реакции настолько расходятся с выражением лица, что для этого существует отдельная классификация.

Амарис допила кофе и вызвала такси.

Домой она ехала почти сорок минут. Движение в центре уже начало плотнеть, и машина медленно пробиралась между рядами автомобилей, пока водитель слушал тихую музыку и несколько раз раздражённо вздыхал на светофорах. Амарис сидела сзади, отвернувшись к окну, и впервые с момента побега достала модуль из телефонного чехла.

При нормальном освещении он выглядел ещё менее похожим на обычный накопитель. Тонкая пластина из тёмного матового материала, абсолютно цельная, без USB-разъёма, контактной группы или видимой кнопки. На лицевой стороне — только V-2, на обратной обнаружилась мелкая маркировка, которую она не заметила в коридоре.

VX-02 / 6R-117

Ниже находился едва различимый знак — три незамкнутых кольца, частично входивших друг в друга.

Амарис приблизила модуль к свету от окна. Символ был знакомым.

Не настолько, чтобы она сразу вспомнила откуда, но достаточно, чтобы возникло раздражающее ощущение узнавания. На упаковках препаратов его не было. На документах консорциума тоже, иначе она бы вспомнила. Возможно, видела в какой-то публикации или приложении к исследованию.

Она перевернула пластину ещё раз.

Подобные защищённые модули использовали для хранения закрытых исследовательских данных, когда обычный накопитель считался недостаточно безопасным. Их нельзя было просто вставить в ноутбук: требовалась станция считывания, а иногда и отдельный ключ авторизации. Если V-2 принадлежал Воссу, он мог содержать всё что угодно — от сертификата доступа до части данных исследования.

Или вообще ничего полезного.

Амарис вернула модуль за чехол, заметив, что водитель посмотрел на неё в зеркало заднего вида.

— Всё нормально? — спросил он.

— Да.

— Просто район около медицинской башни сегодня перекрывают. В новостях говорят, кто-то там отравился.

— Слышала.

— Ужас.

Она кивнула и снова отвернулась к окну.

Через несколько секунд водитель переключил радиостанцию.

Дом встретил её тишиной, которую обычно Амарис любила. Высокие окна выходили на западную часть Эйдрена, и в пасмурную погоду стеклянные башни за ними почти сливались с

небом. Она сняла туфли у входа, поставила сумку на консоль и некоторое время просто стояла посреди прихожей, внезапно поняв, насколько устала.

На часах было чуть больше пяти.

Утром она пробежала семь километров, приняла душ, спокойно выбрала украшения, выпила эспрессо и отправилась на форум, ожидая провести день среди скучных презентаций, плохо организованных дискуссий и людей, уверенных, что их исследования важнее исследований остальных. Сейчас на её запястье оставался след красного браслета, в телефоне лежала вещь погибшего учёного.

Она первым делом открыла бар. Бутылку достала, потом несколько секунд посмотрела на неё и поставила обратно. Вместо этого Амарис налила воды, переоделась в домашнюю одежду и села за рабочий стол. Только здесь, среди двух мониторов, лабораторных записок и книг, сложенных слишком аккуратно, чтобы кто-нибудь мог назвать это беспорядком, ощущение контроля начало понемногу возвращаться.

Она открыла научные базы.

Первым ввела V-2.

Результатов оказалось слишком много и одновременно ни одного нужного: обозначение использовали для белков, экспериментальных серий, отдельных вариантов молекул, лабораторного оборудования. Амарис добавила название терапии, затем аффективную реактивность, потом фамилию Восса.

Ничего.

Она попробовала номер с обратной стороны модуля.

VX-02 / 6R-117.

Ноль результатов.

Затем отдельно символ из трёх колец, описав его словами, хотя уже понимала, насколько бессмысленным был поиск.

Снова ничего.

Амарис откинулась на кресле и несколько секунд смотрела на экран. После этого открыла официальный сайт форума.

Утром она заходила туда минимум трижды.

Программа теперь начиналась с того самого первого доклада, который она слушала, затем шла презентация Эрта. Время между ними было скорректировано так аккуратно, будто никакого другого выступления там никогда не планировалось.

Амарис ввела в поиск:

Илар Восс.

Система ответила:

Участник не найден.

Она нахмурилась и открыла список приглашённых исследователей вручную.

Восса не было.

Не было его фотографии, должности, темы исследования, биографической карточки. Ни одной отметки о том, что он вообще должен был присутствовать на форуме.

Она открыла обычный поиск в интернете.

Там Восс существовал. Профиль его института, публикации последних лет, несколько старых интервью, доклады на других конференциях. Значит, никто не пытался стереть человека из мира.

Стирали только сегодняшний день.

Амарис вспомнила предварительную программу, которую сохранила на телефон ещё четыре дня назад, и открыла файл. Страница загрузилась.

14:20 — Илар Восс. Протокол V-2. Предварительные результаты расширенной второй фазы.

Она перечитала строку несколько раз, затем посмотрела на лежащий рядом телефон, под чехлом которого находился тёмный модуль с теми же двумя символами.

Утром Илар Восс был приглашённым докладчиком, собиравшимся представить результаты V-2. Днём его выступление исчезло из программы. Через несколько часов после его смерти официальный архив форума уже утверждал, что такого участника здесь не было.

И впервые с момента падения Восса Амарис подумала не о том, что случилось с ним наверху, а о более неприятной вещи: кто-то начал приводить историю этого дня в порядок ещё до того, как закончился сам день.

Глава 7. Согласованное незнание

Амарис ещё несколько минут смотрела на строку в сохранённой программе, сопоставляя её с пустым результатом поиска на официальном сайте форума, прежде чем закрыла браузер и отодвинулась от стола. Само исчезновение Восса из каталога ничего не доказывало: после гибели участника страницу могли скрыть из этических соображений, особенно если обстоятельства смерти расследовались, а организаторы пытались остановить распространение фотографий и домыслов. Однако тогда логичнее было бы оставить имя и заменить биографию коротким сообщением, а не переписывать программу задним числом так, словно доклада V-2 никогда не существовало.

Телефон лежал рядом с ноутбуком, и Амарис некоторое время не решалась достать из-под чехла тёмную пластину. После медицинского центра она относилась к ней уже не как к случайно найденной вещи, а как к единственному предмету, физически связывавшему всё происходившее с тем, ради чего Мирен отправила её на форум. Это не означало, что внутри действительно находились данные V-2; маркировка могла обозначать проект, уровень доступа, устройство аутентификации или вообще номер оборудования. Но Восс должен был говорить о V-2, модуль выпал при транспортировке его тела, а теперь его доклад исчез из системы. Для совпадения этого было многовато.

Она открыла переписку с Мирен и несколько секунд смотрела на значок вызова. Обычно они не созванивались без предварительного сообщения: Мирен предпочитала переписки. Амарис знала её с семнадцати лет и за это время успела привыкнуть к тому, что даже беспокойство у Мирен принимало форму конкретного вопроса, а забота — хорошо составленного плана.

Вызов приняли почти сразу.

— Ты дома?

Ни приветствия, ни удивления.

— Да.

— Одна?

Амарис слегка нахмурилась.

— Да.

— Ты пострадала?

— Нет.

На другом конце выдохнули, и только по этому едва различимому звуку Амарис поняла, что Мирен действительно волновалась.

— Я видела новости. Они ничего не говорят.

— Потому что то, что говорят, почти ничего не объясняет.

Мирен помолчала.

— Рассказывай.

Амарис начала с момента падения Восса и старалась держаться только того, в чём была уверена. Судорожный приступ начался ещё на техническом уровне; после падения он погиб сразу. Почти одновременно приступы произошли у двух людей, сидевших рядом в третьем ряду, затем появились другие случаи. Система изолировала зал, включили отдельный вентиляционный контур, участников отправили на обследование. Она рассказала и о тестах, хотя по мере рассказа сама снова ощутила, насколько нелепо они звучат в контексте предполагаемого воздействия неизвестного агента: распознавание эмоций, физиологические реакции на эмоционально значимые видео, персонализированные сценарии, цветовая сортировка.

Когда Амарис упомянула родителей, Мирен перебила её впервые.

— Что значит «показали их смерть»?

— Мне дали новость об аварии в Леррене, фотографию их корпуса и список погибших. Оба имени были там.

— Они живы?

— Да. Я говорила с матерью.

— Ты уверена, что это был именно тест, а не ошибка в системе?

— Сегодня утром кто-то звонил в институт и уточнял, находятся ли родители на работе. Мать решила, что это внутренний аудит. Через несколько часов мне показали сценарий, в котором лабораторный блок разрушен, а они оба погибли.

На этот раз Мирен молчала значительно дольше.

— Во сколько звонили?

— Около девяти.

— До начала форума.

— Да.

Амарис повернула кресло к окну. За стеклом постепенно темнело; ранний вечер размазывал отражения соседних высоток по облачному небу, и в окнах офисов один за другим зажегся свет.

— Мирен, этот протокол был готов заранее. Может быть, не конкретно под меня, но сама система точно существовала до инцидента. Они не могли за час разработать тестирование, подтянуть личные данные всех участников, настроить оборудование и обучить персонал. Некоторые сотрудники вообще не понимали, зачем проводят эти тесты, зато другие прекрасно знали, что ищут.

— Что именно?

— Аффективную реакцию. Причём не только внешнее распознавание. Они сравнивали поведение с вегетативными показателями. Пульс, проводимость кожи, дыхание. Я слышала, как сотрудники обсуждали расхождения между внешней реакцией и «вегетатикой». У них были отдельные категории для аффективных нарушений.

— Тебя в какую отправили?

— В красную.

— Что она означает?

— Выбракровка.

Мирен тихо выругалась.

— Нет, меня не собирались убивать, если ты об этом, — продолжила Амарис, чувствуя, насколько дико прозвучала сама необходимость это уточнить. — По разговору персонала я поняла, что красных оставляли до прибытия исследовательской группы. Они не соответствовали какому-то профилю, поэтому их переводили на дополнительное обследование. Я не стала ждать, когда исследователи объяснят, чем именно мы их заинтересовали.

— Ты поэтому ушла?

Амарис посмотрела на телефон.

— Не только.

Она сняла чехол и достала пластину.

— При мне вывозили тело Восса. С каталки что-то выпало, сотрудники не заметили. Я забрала.

На линии стало настолько тихо, что Амарис сначала решила, будто связь оборвалась.

— Что именно?

— Плоский модуль. Тёмный корпус, никаких видимых контактов. На одной стороне V-2, на другой VX-02, дробь, 6R-117. Ещё символ из трёх незамкнутых колец.

Мирен ответила не сразу.

— Ты его куда-нибудь подключала?

Амарис медленно положила пластину на стол.

- Нет.
- Не подключай.
- Почему?
- Потому что мы не знаем, что это.
- Именно поэтому ты так быстро сказала не подключать?
- Амарис.
- Ты знаешь этот формат?
- Я видела похожие защищённые носители.
- Где?
- Это сейчас неважно.

Мирен редко уклонялась от прямых вопросов; гораздо чаще она отвечала настолько точно, насколько считала необходимым, а всё остальное просто не обсуждала.

- Тогда что важно?

— Сохранить модуль и не оставлять цифрового следа. Не фотографируй его, не вводи серийный номер в системы своей лаборатории и не пытайся искать считыватель через внутренние закупочные каталоги.

Амарис чуть повернула ноутбук к себе. Поисковая строка с VX-02 всё ещё была открыта.

- Поздно.
- Что ты сделала?
- Проверила открытые научные базы и обычный поиск. Ничего не нашла.
- Через домашнюю сеть?
- Да.

Мирен тяжело вздохнула, однако читать ей лекцию не стала.

- Больше ничего не делай. Особенно через лабораторию.
- Я всё ещё не понимаю, почему простой носитель требует такой осторожности.
- Потому что, судя по маркировке, он связан именно с тем проектом, который нас интересует.

- Это я уже поняла без тебя.

— Нет, — голос Мирен стал тише. — Ты поняла, что Восс должен был представить V-2. Это не то же самое, что понимать, какую роль играет найденный тобой модуль.

Амарис выпрямилась.

- А ты понимаешь?

Снова пауза.

- Не полностью.
- Этого было достаточно, чтобы насторожиться ещё сильнее.
- Что ты мне не рассказала перед форумом?
- Меньше, чем тебе сейчас кажется.
- Очень успокаивает.
- Я не пытаюсь тебя успокоить.

Именно поэтому Амарис когда-то ей доверяла. Мирен почти никогда не говорила человеку то, что тот хотел услышать, если не считала это правдой.

- Тогда говори.

— У нас были основания полагать, что обновлённая версия терапии значительно отличается от того, что собирались представить публично. Мы не знали насколько. Восс работал с расширенной второй фазой, и раздел шесть в предварительном протоколе был закрыт даже для части специалистов проекта. Мы хотели получить его содержание.

- А теперь он мёртв.
- Поэтому задача изменилась.

Амарис на секунду закрыла глаза. Она уже знала, что сейчас услышит, и всё равно надеялась ошибиться.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась?

— Нет. После того, что произошло, возвращаться в комплекс бессмысленно и опасно. Мне нужен полный протокол V-2: шестой раздел, приложения и первичные данные по группе, к которой он относится. Если этот модуль является ключом, где-то существует основной массив.

— Четыре человека погибли.

— Я знаю.

— Меня заперли в медицинском центре, показали фальшивую смерть родителей и собирались передать какой-то исследовательской группе, а твоя следующая мысль — достать приложения?

Мирен не ответила сразу, и в этой паузе Амарис впервые за очень долгое время почувствовала не привычную разницу в возрасте и опыте между ними, а настоящую дистанцию. Почти двадцать лет Мирен существовала где-то между куратором, наставницей и тем взрослым человеком, которому можно было позвонить, когда родителям звонить не хотелось. Она знала, в каком университете Амарис собиралась учиться ещё до того, как об этом узнал отец; помогла ей получить первую исследовательскую стажировку, познакомила с инвесторами, когда лаборатория была только расчётами на нескольких страницах, однажды приехала ночью в другой город, потому что Амарис застряла там после отменённого рейса. Всё это не переставало быть настоящим из-за одного разговора, но сейчас впервые стало невозможно не заметить, что у этих отношений всегда существовала и другая сторона.

Мирен была человеком, который однажды её завербовал.

— Моя первая мысль, — наконец сказала она, — убедиться, что ты жива. Я это сделала. Вторая — понять, почему Восс погиб в день, когда собирался показать результаты, удалённые из программы ещё до его смерти. Третья — выяснить, почему в том же здании заранее существовал протокол, способный выделять людей с изменённым эмоциональным ответом. Если ты считаешь, что эти вещи никак не связаны, положи модуль в сейф и больше ничего не делай.

— Ты прекрасно знаешь, что я так не считаю.

— Знаю.

— И поэтому просишь продолжать.

— Поэтому я говорю тебе, что остановиться можно сейчас.

Амарис усмехнулась.

— Очень благородно.

— Нет. Просто решение должно быть твоим. Как всегда.

Это тоже было не совсем правдой, и обе это знали, однако спорить Амарис не стала.

Звонок в дверь прозвучал прежде, чем она успела ответить.

Она повернула голову к прихожей.

— Кто-то пришёл? — спросила Мирен.

— Похоже.

— Ты кого-то ждёшь?

— Нет.

Амарис встала, оставив модуль на столе, потом почти сразу вернулась и убрала его в ящик под документами.

— Не показывай носителю никому, — сказала Мирен.

— Ты уже говорила.

— Повтори мне.

Амарис остановилась посреди комнаты.

— Мне семнадцать?

— Сейчас ты ведёшь себя примерно на девятнадцать.

— Прогресс.

Звонок повторился.

— Я свяжусь с тобой позже, — сказала Амарис.

— Только не из лаборатории.

Она завершила вызов и подошла к панели возле двери. На маленьком экране стоял Рейнар.

Несколько секунд Амарис просто смотрела на него, прежде чем открыть.

Он поднялся через пару минут. Когда дверь квартиры распахнулась, перед ней оказался тот же человек, которого она потеряла в толпе несколько часов назад, только белая рубашка была расстёгнута у горла, один рукав закатан выше другого, а возле манжеты осталось тёмное пятно, которое после обработки антисептиком стало бурым и почти бесцветным. Волосы давно потеряли ту небрежно аккуратную форму, с которой он пришёл на форум, а светлая прядь падала на лоб; в остальном Рейнар выглядел раздражающе нормально для человека, находившегося в том же помещении, где несколько часов назад погибали люди.

— Ты сбежала, — сказал он вместо приветствия.

Амарис отступила, пропуская его.

— Здравствуй.

— Значит, да.

— А ты, смотрю, решил начать с обвинений.

— Это не обвинение. В медицинском секторе тебя искали.

Она закрыла дверь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что спросили, видел ли я доктора Сольвен после эвакуации из зала.

— И что ты сказал?

— Что видел до эвакуации.

— Какой ты правильный. Аж тошнит.

— Я старался.

Он снял обувь, прошёл на кухню и, не спрашивая, открыл нужный шкаф, достал стакан и налил воду. Амарис заметила это только потому, что после разговора с Мирен стала слишком чувствительна к чужому присутствию в собственной жизни. Для постороннего человека поведение выглядело бы фамильярным; для них обоих оно давно было обычным. Рейнар знал, где лежат стаканы, какой кофейный аппарат она ненавидит чистить и какой из двух выключателей в коридоре ничего не включает. При этом у него никогда не было ключа от её квартиры, а она не знала, как выглядит его спальня после восьми утра, потому что почти всегда уезжала раньше.

Такая система до сегодняшнего дня устраивала обоих.

— Как ты вышел? — спросила Амарис.

Рейнар выпил половину стакана и поставил его на стол.

— Через главный выход.

— Просто так?

— После обследования.

— Какого цвета был браслет?

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Зелёного.

Амарис скрестила руки на груди.

— И сколько тебя обследовали?

— Минут двадцать.

— Двадцать?

— Примерно.

— У меня один только первый блок занял дольше.

— Возможно, ты выглядела подозрительнее.

— Рейнар.

Он чуть приподнял бровь.

— Что?

— Что они делали?

— Кровь, неврология, несколько вопросов. Начали второй тест, потом остановили, взяли мои данные, куда-то ушли. Через десять минут вернулись с зелёным браслетом и сказали, что я могу покинуть сектор после наблюдения.

— Почему?

— Потому что мои показатели их устроили.

— Какие показатели?

— Амарис, я не составлял их протокол.

Это был почти дословный ответ техника из медицинского центра, и от этого она разозлилась сильнее, чем должна была.

— Тебе не показывали изображения?

— Какие?

— Людей, лица, видео с эмоциональными сценами? Не измеряли реакцию на них?

На этот раз Рейнар не ответил мгновенно.

— Нет.

— Вообще?

— Нет.

— Значит, они решили, что тебе это не нужно.

Он сделал ещё один глоток воды.

— Видимо.

Амарис смотрела на него, ожидая хотя бы вопроса, но Рейнар вместо этого перевёл взгляд на её запястье. След от медицинского браслета был всё ещё заметен.

— Красный?

Она опустила руку.

— Откуда ты знаешь?

— У людей были разные цвета.

— И что означает красный?

— Не знаю.

Ложью это не звучало. Проблема заключалась в том, что с Рейнаром вообще было трудно понять, как звучит ложь. Он прошёл в гостиную и остановился возле окна. Амарис последовала за ним, стараясь не думать о ящике рабочего стола в нескольких метрах от их места.

— В новостях четыре погибших, — сказал Рейнар.

— Видела.

— Восс, мужчина из третьего ряда и двое во время эвакуации. Женщина, сидевшая рядом с первым пациентом, жива.

— Откуда знаешь?

— Спрашивал перед выходом.

Амарис кивнула. По крайней мере, цифра совпадала.

— Они называют это воздействием неизвестного нейроактивного агента.

— Это удобнее, чем называть вспышкой.

— Потому что вспышки не было.

Рейнар повернулся к ней.

— Именно.

Несколько секунд они молчали.

— Ты сказал это ещё в зале, — напомнила Амарис. — Слишком быстро.

— Ты тоже.

— У меня медицинское образование и специализация на нейроиммунных заболеваниях.

— У меня, к счастью, тоже не диплом по истории искусства.

— Я не об этом.

Рейнар провёл большим пальцем по тонкому шраму возле брови, почти машинально, и снова посмотрел в окно.

— Латентный агент может реактивироваться после травмы, тяжёлой воспалительной реакции, иногда на фоне определённых физиологических состояний. Он не заставляет трёх людей, которые пять минут назад нормально разговаривали, одновременно переходить в генерализованный приступ.

— Это я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что ты знал не только это.

Рейнар слегка нахмурился.

— Например?

— Группа D.

Теперь он посмотрел на неё внимательнее.

Амарис продолжила:

— Ты спросил о пациентах с нормализованным цитокиновым профилем и устойчивым снижением реакции на эмоционально значимые стимулы. В материалах форума этой группы не было. В публикациях её нет. Я проверила.

— После форума?

— До.

Ошибка стала очевидна сразу после последнего слова.

Рейнар ничего не сказал, но выражение его лица едва заметно изменилось.

— До? — переспросил он.

Амарис медленно выдохнула.

— Я готовилась к мероприятию.

— Настолько тщательно, что искала неопубликованные группы исследования, о существовании которых не должна была знать?

— Я не знала о группе D. Поэтому и спрашиваю тебя.

— А я спрашиваю, почему ты ещё до начала докладов интересовалась именно V-2 и Воссом.

— Это моя область.

— Нет.

Его голос не стал громче, однако исчезла привычная ленивость, с которой он обычно спорил о работе.

— Что «нет»?

— На форуме было двадцать восемь выступлений и несколько закрытых сессий. В первой главной сессии обсуждали терапию, которой ты занимаешься непосредственно, но ты пошла к стойке выяснять, почему исчез один конкретный доклад. Потом полезла в архив искать его материалы. Я видел.

— Ты следил за мной?

— Я стоял в трёх метрах.

— Большая разница.

— Для человека, который сейчас пытается выяснить, почему я знаю больше опубликованного, довольно существенная.

Амарис почувствовала знакомое раздражение, возникавшее каждый раз, когда разговор переставал укладываться в понятную систему. С коллегами она могла уйти в методологию, с

сотрудниками — в задачу, с родителями — в любую тему, кроме личной. С Рейнаром до сегодняшнего дня существовало ещё более удобное правило: они вообще не задавали вопросов, на которые другой мог не захотеть отвечать.

Теперь оно внезапно перестало работать.

— Хорошо, — сказала она. — Ты знал о группе, которой нет в опубликованном исследовании. Тебя выпустили из медицинского центра после двадцатиминутного обследования, хотя остальных часами тестировали на аффективные реакции. Мне ты предлагаешь поверить, что эти вещи никак не связаны.

— Я ничего тебе не предлагаю.

— Очень удобно.

— Ты часто используешь это слово, когда не получаешь ответ.

— А ты часто не отвечаешь.

— Раньше тебя это устраивало.

Фраза повисла между ними немного дольше, чем любой из них, вероятно, рассчитывал.

Амарис отвернулась первой.

Да, устраивало. Именно поэтому всё между ними вообще существовало в том виде, в каком существовало. Они никогда не обсуждали, с кем были до знакомства, куда исчезали на выходные, почему Рейнар иногда просыпался среди ночи с головной болью или почему Амарис могла отменить ужин одним сообщением и не объяснять причину. Она никогда не спрашивала, почему в его квартире не было ни одной фотографии семьи, а он не интересовался, почему она иногда получала звонки от женщины, которую называла наставницей, хотя та не работала ни в одной из известных ему научных организаций.

Отсутствие вопросов казалось разновидностью уважения.

Сегодня оно впервые стало похоже на тщательно согласованное незнание.

— В медицинской зоне проверяли эмоциональные реакции, — сказала Амарис после паузы. — Не как часть обычной неврологии. У них была заранее подготовленная система.

Рейнар не шелохнулся.

— Насколько подготовленная?

— Настолько, что мне показали новость о гибели родителей в лабораторной аварии. С фотографией их реального корпуса, именами и сегодняшней датой.

Его взгляд изменился. Совсем немного, но Амарис заметила.

— Они погибли?

— Нет.

— Ты проверила?

— Звонила матери. Они оба живы. Более того, утром кто-то связывался с институтом и уточнял, находятся ли они сегодня на работе.

Рейнар медленно поставил стакан на стол.

— Какие показатели снимали?

Вопрос прозвучал слишком профессионально и слишком быстро.

— Почему тебя интересует именно это?

— Амарис.

— Нет. Сначала ты.

Он помолчал.

— Пульс?

— Да.

— Кожная проводимость?

— Да.

— Вариабельность ритма?

— Да.

— Зрачковая реакция?

— На первом этапе.

Рейнар отвёл глаза.

— Что?

— Ничего.

— Прекрати.

Она впервые за всё время повысила голос совсем немного, но этого хватило, чтобы он снова посмотрел на неё.

— Ты сейчас перечислил тест почти в правильном порядке. Мне действительно продолжать верить, что ты просто догадался?

— Я занимаюсь аффективной нейрофизиологией. Какими ещё показателями, по-твоему, измеряют автономную эмоциональную реакцию?

— Не знаю, Рейнар. Может быть, теми, которые позволили тебе спросить о группе D ещё до того, как кто-то в этом зале официально признал существование тяжёлой аффективной дисфункции?

Он молчал.

— Вот именно.

— И что показал твой тест?

Вопрос застал её врасплох.

— Нормальную реакцию.

— Тогда почему красный?

— Потому что внешне я отреагировала слабее, чем физиологически. Или по какой-то другой причине, которую мне не объяснили. Я услышала, что красных собираются передать исследовательской группе, а потом у нас начали забирать телефоны.

Рейнар посмотрел на неё внимательнее.

— Поэтому ты ушла?

— Поэтому в том числе.

— Что было в телефоне?

Теперь настала её очередь молчать. Он понял это сразу.

— Вот.

— Что «вот»?

— Та часть разговора, где ты опять хочешь получить от меня информацию, не отдавая свою.

— Мы не обязаны друг другу отчитываться.

— Никогда не были обязаны.

Слова прозвучали без упрёка, и именно отсутствие упрёка неприятно задело её.

— Тогда что изменилось?

Рейнар некоторое время смотрел на неё, словно сам пытался сформулировать ответ.

— Сегодня кто-то заставил нескольких носителей сорваться почти одновременно, после чего людей, оказавшихся рядом, начали проверять по протоколу, который, судя по твоим словам, был готов ещё до инцидента. Восс собирался представить данные, которых теперь официально не существует. Ты зачем-то искала эти данные ещё до его смерти. Я, по твоему мнению, знаю о них больше, чем говорю. Если всё это не связано, можем снова договориться ничего друг у друга не спрашивать.

— А если связано?

— Тогда это уже не очень хорошая договорённость.

Амарис прошла к рабочему столу. На мониторе всё ещё была открыта предварительная программа форума, и имя Восса оставалось там, где официальная версия дня уже успела его

стереть. Она смотрела на строку несколько секунд, понимая, что сейчас делает ровно то, чего Мирен запретила делать менее получаса назад.

Не показывай носитель никому.

Но Рейнар знал о группе D. Его выпустили после обследования, которое у неё только начиналось в тот момент, когда персонал уже распределял людей по аффективным категориям. И когда она рассказала ему о тестировании, он не удивился самому принципу — его заинтересовали показатели.

Если кто-то в этой квартире и мог узнать, чем являлся V-2, то, скорее всего, это был он. Амарис открыла ящик.

— Я забрала кое-что рядом с телом Восса.

Рейнар не ответил.

Она достала пластину и положила на стол между ними.

Первое мгновение он просто смотрел на неё. Амарис успела решить, что ошиблась и символ ничего ему не говорит, однако затем его взгляд опустился к трём незамкнутым кольцам на обратной стороне, и произошло настолько незначительное изменение, что другой человек, возможно, вообще его не заметил бы: Рейнар перестал двигаться. Даже пальцы, до этого машинально скользившие по краю столешницы, замерли.

Он не взял модуль. Не спросил, что на нём написано. Просто смотрел.

Амарис почувствовала, как внутри медленно собирается уверенность, которой у неё не было ещё минуту назад.

— Ты знаешь, что это.

Рейнар поднял на неё глаза, и впервые за весь вечер вместо ответа задал вопрос, прозвучавший не как научное любопытство и не как попытка выиграть время.

— Где именно ты это нашла?

Глава 8. Контур

— Возле сцены, — ответила Амарис, не убирая руки со стола. — Когда тело Восса вывозили, переднее колесо каталки ударилось о порог, эта штука выпала на пол. Сотрудники не заметили, я подобрала.

Рейнар перевёл взгляд с неё на тёмную пластину, однако брать её по-прежнему не спешил. Вблизи его спокойствие выглядело иначе, чем несколько минут назад: не расслабленностью, к которой Амарис привыкла и которая обычно действовала на неё почти успокаивающе, а сосредоточенностью человека, внезапно увидевшего знакомую деталь там, где её быть не должно. Он чуть наклонился, разглядывая три незамкнутых кольца на обратной стороне, затем прочитал маркировку под ними и только после этого осторожно коснулся модуля кончиком пальца.

— Ты уверена, что он выпал именно с каталки, а не у кого-то из сотрудников?

— Он отлетел из-под простыни примерно в районе его бедра. Абсолютной уверенности нет, но я бы поставила на Восса.

— Кто-нибудь видел, что ты его подняла?

— Сотрудник заметил, что я остановилась. Сам предмет — вряд ли.

Рейнар всё-таки взял пластину, повернул её сначала одной стороной, затем другой, после чего поднёс ближе к свету. Амарис наблюдала не столько за модулем, сколько за самим мужчиной. Рейнар, однако, снова выглядел привычно: рассматривал маркировку, провёл большим пальцем по краю, проверяя толщину, и нахмурился, словно перед ним лежал необычный лабораторный прибор, а не вещь человека, погибшего несколько часов назад.

— Подключала?

— К чему? Здесь даже разъёма нет.

— Это не ответ.

— Нет, не подключала.

О поиске серийного номера она решила не говорить. Формально Рейнар спрашивал другое, а после их предыдущего разговора Амарис всё меньше хотелось добровольно добавлять сведения туда, где в ответ она получала только тщательно отмеренные порции чужой правды.

Он кивнул, будто именно этого и ожидал, после чего положил модуль обратно.

— Хорошо.

— Мир сегодня особенно богат на людей, которые говорят мне не трогать вещи, но отказываются объяснить почему.

Рейнар поднял бровь.

— Кто ещё тебе это сказал?

Она отвела взгляд к монитору, где всё ещё оставалась открыта предварительная программа форума.

— Никто. Это была фигура речи.

Он посмотрел на неё несколько секунд, явно не поверив, но на этот раз не стал настаивать.

— Это не обычный накопитель, — сказал он. — По крайней мере, если маркировка настоящая. Такие модули использовали в ранних закрытых исследованиях терапии, когда данные ещё не переводили в нынешний контур хранения. Внутри может находиться небольшой зашифрованный массив, но основная функция — аппаратная авторизация. Проще говоря, это ключ.

— От чего?

— От исследовательского архива.

Амарис снова посмотрела на пластину.

— И всё?

— А ты ожидала, что он откроет дверь в секретную комнату под городом?

— После сегодняшнего я готова рассматривать варианты.

На губах Рейнара мелькнуло что-то похожее на улыбку, однако исчезло прежде, чем Амарис успела решить, действительно ли он развеселился.

— Старые архивы строились иначе, — продолжил он. — Данные разделяли между сетью и физическим ключом, иногда добавляли ещё персональный сертификат исследователя. Если получить только один модуль и попытаться открыть его на обычном компьютере, в лучшем случае ничего не произойдёт. В худшем он заблокируется или уничтожит собственный ключ шифрования после нескольких неправильных обращений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.